

The background of the cover is a painting by Alla Barkan. It depicts a woman with dark hair and a pink shawl, looking towards the right. In the background, there is a stylized, glowing church with a tall spire. The overall style is expressive and modern, with bold colors and visible brushstrokes.

АЛЛА БАРКАН

ЭМИГРАЦИЯ ЭННОЙ ВОЛНЫ
Женские истории

Издано в Швейцарии

2017

0+

**Алла Баркан
Анна Сандермоен
Эмиграция энной волны.
Женские истории**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67154345

SelfPub; 2022

Аннотация

Книга профессора Аллы Баркан «Эмиграция энной волны. Женские истории» – это размышления о сути эмиграции, о ее причинах и истоках, о поисках своего места, о пути к себе, а для кого-то – о попытках бегства от себя. Это книга о женских судьбах, таких разных, но и таких одинаковых, объединенных общим для всех обстоятельством – жизнью вне родины, жизнью в другой стране, эмиграцией. Это книга о волнах истории, которые смывали людей с их родных берегов и несли их по свету в поисках убежища или лучшей доли, любви или спасения, возможностей или свободы. Это книга о Вене, о городе, который стал для кого-то местом встречи, местом перекрестия жизненных линий, местом-хранителем и местом-судьей – местом, вершащим человеческие судьбы.

Содержание

Эмиграция – один из самых тернистых путей к разгорающейся или же гаснущей звезде	4
ЧАСТЬ 1 НЕЖДАНЫЕ ВСТРЕЧИ	7
Великосветская официантка	7
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Алла Баркан

Эмиграция энной волны.

Женские истории

**Эмиграция – один из самых
тернистых путей к разгорающейся
или же гаснущей звезде**

(Вместо предисловия)

– Когда-то, – рассказывает моя собеседница, – я в школе на комсомольском собрании с другими детьми осуждала свою одноклассницу, родители которой собирались переехать в Америку. Дело даже дошло до того, что собрание постановило, чтобы десятиклассница отреклась от своей родни и осталась в Советском Союзе. А сегодня, – продолжает женщина, – я сама эмигрировала из России. Попала, как говорят, в пятую волну эмиграции, начавшуюся в последние несколько лет, когда из России стали уезжать специалисты. Мой муж был известным ученым, но сегодня резко ухудшились условия его работы, не говоря уже о зарплате. А здесь для него рай: только работай и продвигай свой проект. Он

рад, а мне не с кем общаться, хотя такое впечатление, что в центре Вены слышна только русская речь. Но как заговорю с кем-то, то кажется, что мы с разных планет...

Действительно, — подумала я, — она во многом права: по сравнению с тем, что было, Вена становится русскоязычным городом, и не столько из-за переезда сюда ученых и специалистов, сколько благодаря новой волне молодежи: от «за-мужа за рубеж» до приобретения престижных профессий. Их потребности и ценности жизни имеют другие оттенки — это потребности и ценности жизни цифрового поколения, намного отличающиеся от тех, какими были они хотя бы во время расцвета четвертой волны эмиграции. Однако действительно ли уже началась сегодня пятая волна, сомневаюсь... Правда, в какую страну ни поедешь, везде русская речь — это так.

Безусловно, жизнь в иммиграции имеет свои отличительные черты: и преимущества, и недостатки — в зависимости от причины отъезда в другую страну. И эти причины у каждого индивидуальные: от деловых и рабочих, почти всегда временных, до истинных — постоянных, в последнее время ставших тоже «с обратным билетом», было бы только желание.

Сегодня много пишут о жизни русскоязычных людей за границей. В последнее время не сложно переехать в другую страну, нет больше железного занавеса. Но это сегодня, да еще если едешь в страну иммиграции. А как было раньше? Как жилось соотечественникам в странах, которые не при-

нимали эмигрантов, как, например, Германия?..

Я вспомнила свои первые впечатления о русскоязычных соотечественниках, с которыми познакомилась в Вене. Я вспомнила свои зарисовки о них, которые начала вести еще накануне образования Евросоюза и в первые годы после его рождения, зарисовки о женщинах, по той или иной причине временно или постоянно живущих в Австрии. Я вспомнила о женских судьбах на чужбине, с которыми столкнула меня жизнь...

Надеюсь, что кто-то, помимо меня, вспомнит те недалекие времена, когда многое лишь начиналось, когда жизнь за границей, казалось, избавляла от чисто российских проблем, когда... Когда люди уезжали из СССР за своей «синей птицей»...

Как много общего было у наших соотечественников «вчера» и «сегодня», и как мало общего было в потребностях и ценностях людей разных волн эмиграции...

У каждого из нас свои тернии на пути, и каждый из нас желает добраться «через тернии к звездам».

Эмиграция – один из самых тернистых путей к разгорающейся или же гаснущей звезде.

проф. Алла Баркан

ЧАСТЬ 1 НЕЖДАНЫЕ ВСТРЕЧИ

Великосветская официантка

В таком великолепном лимузине я ехала в первый раз. Моя недавняя приятельница, с которой я познакомилась пару месяцев назад в Российском Центре Науки и Культуры в Вене, попросила оказать небольшую любезность ее давним знакомым еще по Москве, обосновавшимся сейчас в Австрии. За мною будет прислан водитель, мы поедем с ней вместе. И она познакомит нас. Небольшие проблемы у дочки хозяйки. Для меня они суший пустяк.

Был прекрасный весенний день, опьяненный птичьими голосами в бесконечных садах и парках этого одного из самых удивительных городов планеты, – во всяком случае, я думала так, впервые вступив на венскую землю и покоренная ею до мозга своих костей. Вена, Вена... Я захлебывалась от восторга, в ритме вальса кружась на пританцовывающем трамвае по ее дурманящему своими достопримечательностями Рингу, взирая на Атлантов и Кариатид, обсуждающих последние новости на покрытых сединой столетий до-

мах, и буквально теряла голову, раскрывая от удивления рот, рассматривая кружева Вотивкирхе, в мечтах ездя на старинных фиакрах с белоснежными крылатыми скакунами, постоянно ожидающими меня у величественного Стефандома... Я была в экстазе блаженства, я была влюблена... Влюблена в этот город. И весь мир рядом был просветленным и таким же крылатым, как кони, несмотря на болото проблем со стоячей водой повседневной рутины, то и дело тянущей ко дну, и порою, бывало, казалось, что не выплыву, что утону. Но и этой порою я лишь ликовала, что тонуть мне приходится именно здесь – в этом городе-сказке, живущей во мне. Словом, я находилась в состоянии какого-то ранее неизвестного мне сумасшествия и жила во хмелю, в сладких грезах, видя только лишь солнце, игнорируя тень, ощущая тепло и не чувствуя... холода.

Австрия – не страна иммиграции. Мне казалось, что здесь каждый русский на вес золота или же клад. И поэтому Анжелика, или Анжела, неожиданно появившаяся в моей жизни, могла рассчитывать на все, что угодно, а тем более на желание кому-то помочь и не просто кому-то, а нуждающемуся в моей помощи... бывшему соотечественнику, потому что буквально с пеленок я уже была зазомбирована на такие дела. Сострадание, благородство, порядочность, бескорыстие... – что еще может так украшать человека, а тем более выросшего в бывшем Советском Союзе? Идеология – великое дело, и она святее не только Папы Римского, но и лю-

бой религии – этого «опиума для народа», о котором твердили мне с детства многочисленные социалистические наставления, развешанные на кумаче по соседству с портретами великих вождей не только во всех мыслимых и немыслимых местах, но, как оказалось, и в тайниках души. Но если опиум еще можно все же вывести из организма, то внушенную с младенчества идеологию – никогда, если ты, конечно, не оборотень. Оттого и страдают в России, и не только в России, а на всей территории бывшего СССР, увядающие поколения людей эпохи Построения Социализма и даже начала Коммунизма от своей просветленной нравственности, стелкиваясь с «нравственностью» наших дней.

Ожидая посланную за нами машину, Анжелика по-дружески просвещала меня.

– Главное – это меньше вопросов. Если можно, то лучше молчать.

– Там закрытое учреждение, что ли? – Ничего не могла понять я.

– Я же Вам говорила, мы едем домой к моим старым знакомым, решать их проблемы.

– Хорошо – наберу в рот воды и разбавлю ей все их проблемы, – не скрывала я своего весеннего настроения.

– Я серьезно ведь, Кира Григорьевна. Мне хотелось Вас предупредить...

– И я тоже серьезно, Анжела. Я не мим и не клоун. И я не могу проводить консультации молча. Мне важны часто даже

оттенки и нюансы слов, а не слова.

– И все-таки, – настаивала Анжелика, – постарайтесь прислушаться к моим советам. Главное – это меньше вопросов.

– Консультировать без вопросов, – уже почти взорвалась я, – но это же нонсенс!

– Вы не знаете категорию этих людей, – не сдавалась Анжелика. – Это новые русские, они мыслят по-новому и живут по-другому... не так, как мы с вами.

Честно говоря, я действительно еще не встречалась с такими людьми. Все мои сведения о них были, в основном, из журналов и газет, или же из многочисленных анекдотов об их царских богатствах, нажитых ими в стране, свергнувшей царя из-за зависти к его богатствам. Я читала о беспечном транжирстве, о почти даром доставшихся им деньгах, об источниках зарабатывания которых часто просто умалчивалось, и только вечно роющиеся в чужом грязном белье журналисты придумывали всевозможные сенсационные мифы о разбазаривании народных средств и загадочном исчезновении многих природных ресурсов, принадлежавших ранее государству, на которое практически безвозмездно, ради жалкого существования, работали все слои и разновидности бывшего пролетариата СССР... Нет, скорее не ради себя, а ради существования первого в мире социалистического государства... со свободой, равенством и братством... А в отсутствии свободы, равенства и братства, которые так и остались утопией, новорожденные акулы пера обвиняли именно

этих людей, рассказывая о покупке ими галстуков за тысячу долларов... в то время, когда зарплата профессора, заведующего кафедрой в самом престижном вузе едва была эквивалентна пятидесяти долларам... Ну, в общем, все это, безусловно, звучало...

И хотя даты начала «клонирования» подобного сорта людей упорно указывали на эпоху развала бывшего СССР, я никак не могла понять: из какого эксперимента, проведенного кем, они возникли и возникают, потому что в Советском Союзе мы все были равны, пускай хоть на словах. Во всяком случае, в денежном отношении никто не выпячивался или не пытался выпячиваться. Это было запрещено, да и честно нажитые зарплаты подобного не позволяли, если ты, конечно, не был выездным «гением» в какой-либо области, и твоя гениальность не давала возможности приподнять временами железный занавес, чтобы выйти на «сцену» из-за кулис, ну, хотя бы как Маяковскому.

И если даже местная партийная элита и имела какие-то привилегии и пайки, то, в основном, это касалось возможности беспрепятственно достать что-то вроде сырокопченой колбасы или путевок в особые санатории, функционирующие только для номенклатурных работников. Но и все это тщательно скрывалось.

Правда, одна из моих знакомых, работающая на базе, куда поступали всевозможные заграничные «тряпки», бывшие в те времена невидалью, рассказывала, как им приходилось

одевать первых секретарей обкомов и горкомов в специально заказанные для них, а нередко и для их жен, самые стильные шмотки, за которые чаще всего высокопоставленные особы забывали им заплатить. Забывали, путая социализм с коммунизмом, ведь, в конце концов, они были номенклатурной элитой Коммунистической партии Советского Союза, возглавляющей строительство этого коммунизма. И жены таких людей, бывало, так привыкали к бесплатному коммунизму, что иногда забывали заплатить за товар и в самом обычном магазине, не понимая, почему им за это угрожают милицией.

Но тем не менее и данная когорта советских людей, процветающих за счет государства, навряд ли могла позволить себе купить галстук за тысячу долларов. А если даже и позволяла, то не говорила об этом вслух, афишируя всем и каждому, хотя многие из новых русских сейчас оказались именно из этой «породы» людей с приобретенным в процессе работы чутьем – когда... где... и ... как... И чтоб стать теперь новым русским, совершенно не требуются таланты, даже такие же, как у Маяковского, «во весь голос» сообщавшего всем, что ему достаточно иметь только свежевыстиранную сорочку, и при этом покупающего себе за границей автомобили, являвшиеся в те времена большой роскошью даже для ненавистных капиталистов.

Но кому наносила визит я, мне было пока неизвестно.
– Новый русский, масштабный, большой человек, – вдалбливала в меня Анжелика, зовущаяся по паспорту Антони-

ной, и только из-за того, что ее мать в молодости не удосужилась посмотреть фильм про Анжелику – маркизу ангелов. И вот теперь в Вене ей пришлось отредактировать свое имя, осуществив подростковую мечту.

– А кем работает Ваш знакомый? – полюбопытствовала я.

– Меня это не интересует, – недовольно ответила Анжелика, – у него какие-то дела здесь и в Москве.

– Здесь и в Москве одновременно?

– Но это же норма для новых русских: две недели здесь, две недели там, в выходные с семьей, а в рабочие дни далеко от семьи... Он в Москве бывает чаще, чем Вы в центре – на Кертнерштрассе. А иногда и месяцами в разъездах.

– А как тогда его семья?

– Как и все другие семьи новых русских. Вижу, Вы действительно не в курсе, как здесь, в Вене, многие живут: там и здесь, туда-сюда, то Вена, то Москва, то вдруг Санкт-Петербург... Вы, наверное, и про Рублевку не слышали...

Анжелика не успела полностью ввести меня в курс дела, потому что в этот момент возле нас внезапно затормозил серебрищийся лунным светом сказочный мерседес, и шофер, дружелюбно кивнув Анжелике, распахнул перед нами дверцы этой лунной машины.

Да, в таком великолепном лимузине я ехала в первый раз, и весеннее настроение бродило во мне, как молодое вино.

Совершенно забыв о наставлениях Анжелики, я забрасывала Николая – так звали водителя – то уместными, то, по-

видимому, неуместными вопросами, лишь бы как-то поддержать едва тлеющую беседу, игнорируя полукивки-полунамеки почти сросшейся уже с роскошным сидением и едва подающей признаки жизни, как во времена зимней спячки, безвопросно замолкшей теперь моей новой знакомой, проверяющей, видимо, свои напутствия мне на хозяйском шофере.

Мерседес обогнул уже центр и понесся куда-то за Верингерштрассе по незнакомой мне улице, вдоль которой тянулись деревья в розовых кружевах нежной пены цветов, и цветение их походило на грезы. Красота-то какая! Ты как будто в раю! Нет, недаром мы только что пересекли Парадистгассе – райскую улицу или же переулок, главное то – что связано с раем, а сейчас – райский сад... нет, вернее, аллея. Я впадала в экстаз, несмотря на совершенно постные лица моих скучных попутчиков.

Мне не верилось, что живу теперь в Вене, и все это уже для меня – не на пару часов, даже не на неделю, в городе, о котором мечтала я очень давно, обучаясь еще в институте... И нахлынувшие воспоминания, как девятый вал, смыли все перед глазами, окунув в глубину прежних дней, дно которых расцветчивала галька пережитого.

Я припомнила все до малейших подробностей, будто бы это было вчера: неожиданно выпавший шанс – турпоездка по Австрии с посещением Вены. Представляете – Вены, где прославился Моцарт, где Бетховен творил, где родились Франц Шуберт и Иоганн Штраус, где пытался взлететь над другими Шопен... где чудил Фрейд, копаясь в душе человека, где, в конце концов, жил Стефан Цвейг...

Я мечтала побыть, пускай даже мгновение, в этом городе-бале гениев всех времен и народов. Я мечтала... Но разве мечты могут сбыться, когда так нереальны, когда как химера? Оказалось – реальны, как ковер-самолет, став в конце концов аэропланом сегодня, потому что внезапно наш старый знакомый был назначен главой Интуриста. Эта должность в Советском Союзе была слаще халвы и почетнее, чем генеральское звание, а вернее, была всемогущественной: ты – третейский судья для всех «жаждущих», для всех «страждущих», для «нерадивых», кто готов почему-то покинуть, пускай даже на пару недель, свою родину, свое отечество – и чего не хватает им здесь?... Зная все мои грезы о Вене, он решил стать моим добрым гением и при первой возможности сделал попытку это все-таки осуществить: предложил мне путевку по низкой цене, профсоюзную... как для

начальства... А в какую страну – догадайся сама... Ну, конечно, конечно же, в Австрию, хотя этих путевок – раз, два и обчелся, а желающих – масса, все из важных чинов. Но он сделает все, что возможно. Правда, даже над ним еще кто-то стоит, утверждая все кандидатуры, но, скорее всего, с моей характеристикой, я пройду. Да, к тому же, студенты – что-то вроде рабочих. Даже в партию их принимают, как тех, создав массу для них привилегий, по сравнению с теми, кто окончил уже институт. Специалисты в Советском Союзе должны были еще заслужить, чтобы им разрешили вступить в ряды партии, ведь она была лишь для рабочих или же для крестьян, вовсе не для планктона образованных в чем-то людей, а тем более интеллигенции, норовящей вступить в нее тоже, очевидно, из корысти. Вряд ли будут другие причины.

Я буквально сходила с ума в предвкушении... счастья, по утрам постоянно считая, сколько дней мне осталось до заветной поездки: семьдесят... пятьдесят... уже тридцать... Я была в состоянии Золушки, на балу вдруг танцующей с принцем, тайно верящей, тайно надеющейся, что потерянный мной башмачок сам отыщет меня, потому что он впору лишь мне...

Двадцать дней, восемнадцать... пятнадцать... Я витала уже в облаках, сокрушаясь тогда об одном – что еще не могу поделиться своим счастьем с моими друзьями. В Интуристе сказали: об этом молчок, никому ни гугу, пока точно еще неизвестно, я пройду или нет важный «конкурс» биографий

советских людей. Только мне не давало покоя мое чувство вины, будто бы я врала однокурсникам, вынужденно скрывая о планах встречи с городом моей мечты, ведь за долгие годы учебы у меня от них не было тайн.

Десять дней... Еще только неделя...

Я с упоением запоминала замысловатые немецкие слова, не входящие ни в какую программу изучения этого языка в Советском Союзе. А занятия в институте – как будто во сне... Я ходила на них по инерции заведенного стереотипа. Психология и медицина отступили на задний план, превратившись вдруг в фон, став не главным уже в моей жизни, в ...предвкушении счастья...побродить по следам ... Гениальных... Великих...

Оставалась всего лишь неделя моего бесконечного томления и моих ожиданий, когда вдруг, неожиданно, во время занятий, не сказав, почему, меня срочно вызвали в учебную часть. За пять лет учебы это было впервые.

– Наверное, Ленинскую утвердили, – предположил ведущий в это время у нас в группе практическое занятие по научному коммунизму преподаватель марксистско-ленинской философии, удивленный не меньше, чем я. В стенах нашего института ничто подобное не практиковалось, и студентов нельзя было вызвать с занятий даже во время ЧП, потому что все пропуски приравнивались к преступлениям, а за непосещение лекций могли просто отчислить из вуза, несмотря на самые блестящие знания, доказанные не только заведую-

щему кафедрой, но и целой экзаменационной комиссии. Да, могли отчислить лишь только за то, что ты не «отсидел» положенное тебе вузовской программой время в данном лекционном зале и у данного преподавателя, иногда просто переписавшего текст «выдающейся» лекции с одного из разделов студенческого учебника. Конечно, западному студенту, «добросовестно» не посещающему лекции или врывающемуся в аудиторию во время занятий, допивая при этом кока-колу и доедая полуметровый сэндвич, этого не понять. Но тем не менее тогда у нас было именно так, поэтому этот неожиданный вызов всполошил не только меня, но и всех вокруг почти так же, как и получение письма в Обломовке в знаменитом романе Гончарова.

Не прошло еще и пяти минут после вызова с занятия, как меня уже встретила на пороге своего кабинета чем-то очень озабоченная заведующая учебной частью и загадочно намекнула, что меня ожидает в соседней комнате один ... человек... с которым я должна быть до предела откровенной.

К сожалению, в тот момент я совершенно не поняла этого намека. Зная лишь, что на ученом совете института меня представили к получению Ленинской стипендии, и связывая вызов в учебную часть, как и все в моей группе, именно с этим, я, конечно же, по-своему оценила этот странный намек. Меня слишком задели слова об откровенности, и я с юношеским максимализмом стала пылко внушать этой видевшей все на своем веку женщине, что всегда откровен-

на... что не лгу... что... что... что... Во мне что-то зашевелилось, неприятное, скользкое, словно угорь... Но я вовремя осеклась, вспомнив вдруг, что «всегда откровенна, что не лгу...» – это все от былого. В настоящий момент я храню свою тайну, охраняя ее от кого?.. – от друзей... Значит я, я уже не такая, как раньше. Откровенность – прозрачный родник, а в моем роднике появился осадок. Он буквально на днях растворится, и все... все узнают о том, что он был.

Но тем не менее обиженная недоверием заведующей, я зашла в соседнюю комнату.

За столом сидела «железная маска» – во всяком случае, так в первый момент мне показалось, потому что мужчина, лишь рукой предложивший присесть, имел совершенно непроницаемое лицо без единой морщинки, несмотря на довольно солидный возраст, о котором свидетельствовали редкие пряди поседевших волос и залысины.

Это непроницаемое, как будто бы покрытое броней лицо-панцирь приоткрыло свой рот и без признаков какой-либо мимики, не представившись и не узнав, как меня зовут, стало нудно, заученно, надоевшими штампами задавать мне вопросы настолько разнокалиберные и разносортные, что я никак не могла понять – для чего вообще был затеян им этот, на первый взгляд, столь бестолковый разговор.

Обучаясь буквально с первого курса клиническому мышлению и уже зная, что правильно собранный анамнез помогает поставить диагноз больному, я пыталась понять – о ка-

ком «диагнозе», связанном с моей жизнью, сейчас идет речь. Но так и не разгадала шараду до конца (поняв только, что Ленинская здесь ни при чем), не уяснив логики задаваемых мне то и дело вопросов, напоминающих арии из разных опер и оперетт.

Я перескакивала со сведений о моих друзьях на сведения о наших преподавателях (причем, эти сведения знали все вокруг, особенно в учебной части, где велся «таинственный» разговор), сообщая какую-то несуразность о нашей семье, вплоть до тех ее членов, которых я никогда в своей жизни не видела. Я с трудом успевала отбиваться ответами на буквально бомбардирующие меня вопросы, касающиеся чего и кого угодно, кроме меня самой. Интуиция подсказывала, что надо обнажать лишь позитивные моменты...

И только в конце разговора, когда я уже почти вырвалась из тисков почему-то гнетущей меня атмосферы не состоявшегося по-настоящему знакомства – любопытствующий так и не сообщил мне своего имени, не поинтересовался моим, задавая практически безличные вопросы, – я вдруг отчетливо услышала во вновь брошенном бесцветно-монотонным тоном вопросе-допросе, догнавшем меня уже у двери, свое, а не чье-то имя.

– А в Вене у Вас, Кира, какие дела?

– Какие дела? – Я опешила. Откуда он знает про Вену, когда я храню эту тайну?

– Так почему Вы все-таки выбрали Вену? – Обескуражи-

вал меня уже следующий вопрос вновь начатой «бомбардировки», несмотря на то, что я еще не ответила на предыдущий. – Ведь это же капиталистическая страна. В конце концов, можно было поехать и в социалистическую Болгарию.

«Курица не птица, Болгария не заграница», – моментально засорили мне голову слова одного из наших преподавателей, посетившего по туристической путевке Софию и поделившегося с нами своими впечатлениями, считая, что Болгария просто стала уже шестнадцатой советской республикой, но, слава Богу, что у меня хватило ума не говорить об этом вслух.

– Да потому что... – я вспомнила наставления заведующей учебной частью об откровенности... – Да потому что... Да потому что в Вене каждый камень поет, – как будто выдохнула я из себя.

– Что Вы сказали?... Каждый камень поет? – наконец увидела я человеческое лицо, выражавшее искреннее недоумение.

– Я что-то не понял. Как это – каждый камень поет?

Железная маска была тут же сброшена. По-видимому, я что-то сказала не так, во всяком случае, не совсем стереотипное и заранее запрограммированное. Такое растерянное лицо невозможно было подделать. Оно было истинным и «натуральным».

– Как это – каждый камень поет?

«А если он в самом деле не понимает значения этих

слов? – Почему-то поверила я этому проснувшемуся лицу. – Ассоциации и метафоры не в его правилах ведения своеобразной шахматной партии жизни».

– Да потому, что там обитает дух Моцарта и дух Бетховена, – тем не менее еще более возвышенно выплескивала себя я, считая свое объяснение удивительно вразумительным и понятным.

– Так Вы что, еще верите в духов? – уже буквально ерзал на стуле не скрывающий больше своих явных эмоций, еще пару мгновений назад непрístupный почти человек.

«Да сейчас же он спросит меня про религию», – промелькнуло в моей голове, начавшей, наконец, улавливать намечавшуюся логику вопросов. И, опережая события, я поспешно «обрадовала» его, сообщив о прекрасно сданном зачете по атеизму, который почти никто не смог сдать, да и мне до сих пор непонятно, почему же Христос, молящийся о счастье людей, уже столько столетий является одной из главных причин национальной розни и религиозных междоусобиц.

– Неужели Вы знаете жизнь Христа? – И лицо его вдруг почему-то внезапно вытянулось, напоминая лица святых на полотнах Эль Греко.

– Так Вам хочется в Вену, чтоб увидеть ее соборы и церкви, где не камни поют, а церковные хоры... Наконец-то я понял, конечно же, понял – какая музыка Вам нужна, и какие духи музыкантов Вас манят...

– Да не только одних музыкантов, – уточняла ему я де-

тали, чтобы быть откровенной, – Там жил Фрейд, Зигмунд Фрейд...

Скорее всего, необычное видение пропорций лица человека у Эль Греко было связано не с его косоглазием, как предполагают некоторые современные исследователи, а с его изучением особенностей лиц людей при подобных известиях и обстоятельствах, потому что лицо бывшей железной маски уже полностью напоминало длинный оранжерейный огурец.

– Зигмунд Фрейд! Этот бесстыжий буржуазный идеолог, прославляющий секс! Сексуальность... Это низменное в человеке... – Он метался по комнате, как больной в лихорадке, и неистовал... позабыв о своей неприступности.

– Ну, ну, знаете, Кира, такого от советской студентки, я не мог ожидать. – Его огуречное лицо выражало негодование и гнев на грани бешенства, – А какая у Вас оценка по марксистской философии?

– Я сдала диамат на отлично, истмат – тоже, а научный коммунизм еще не сдавала.

– И не сдадите! – решительно заявил он мне, резко встав из-за стола, – О каком научном коммунизме может идти речь, когда Вы поклоняетесь запрещенному Фрейду, растлившему целый мир распутнику и пройдохе!

– Но ведь Фрейд создал только психоанализ, – все еще пыталась оправдать я действительно запрещенного в те времена в СССР Фрейда, работы которого, случайно напечатанные в какой-то хрестоматии, сохранившейся у моих знакомых, мне

тайком удалось почитать. Хрестоматии, экземпляры которой почти все были изъяты после того, как какой-то из высоких партийных работников заинтересовался ее содержанием.

– И если даже Фрейд и придал сексуальности какую-то роль... – пыталась просветить я разгневанного незнакомца.

– Дальше можете не продолжать. Я и так хорошо уже чувствую Вашу осведомленность о Фрейде, несмотря на то, что он у нас давно запрещен. А вот Вы, видите ли, хотите посетить те места, где он жил... – И мужчина решительным жестом прямо передо мной открыл дверь и... прошел в нее первым...

– Кто у Вас в институте ведет атеизм? – раздраженно спросил он уже не меня, а заведующую в ее кабинете.

– Вы же знаете, Марья Петровна, парторг.

– А программа какая?

– Вузовская, конечно.

– Почему в ней Христос?

– Это же атеизм. Чтоб безбожником стать, надо знать и о Боге.

– Значит, Вы разделяете с Марьей Петровной эту ересь?

– Не я, а программа.

– И Фрейд – тоже программа?

– Мне кажется, нет. Может быть, это факультатив...

– Что ж, я выясню сам – что к чему...

Вопрошающий взгляд заведующей учебной частью после ухода этого раздраженного манекена лишь заставил меня

убедить ее в том, что я слишком была откровенна, хотя может быть... в «слишком» и был пересол.

Конечно, мне так и не удалось услышать в те времена «поющие» камни Вены. Я только усвоила, что откровенность намного дороже бриллианта, похожа на роскошь, которой при некоторых жизненных обстоятельствах могут воспользоваться или «святая простота», пополняющая в наши дни стремительно растущие ряды лохов, или же действительно «богатые» люди. Да, «богатые» не столько на деньги, сколько на широкие спины влиятельных родственников и друзей, способных заслонить их в нужное время и в нужном месте от непредсказуемых последствий этой откровенности, превращающей носителей ее в своеобразные мишени для других.

Однако мой добрый интуитивистический гений, так и не сумев толком объяснить мне причину отклонения какой-то высшей инстанцией моей студенческо-рабочей кандидатуры для поездки в капиталистическую страну, решил утешить меня путевкой в социалистическую Чехословакию. Он долго беседовал со мной, довольно прозрачно намекнув мне – ни в коем случае не отрываться во время поездки от группы и не ходить по соборам, костелам, церквям, незапланированным экскурсиями... А главное – не вздумать расспрашивать гида про Кафку и не рассказывать никому, что я сумела отыскать и прочитать его запрещенный «Процесс».

Убедив уже и его, что я самая взыправдашняя атеистка, и что все мои однокурсники такие же атеисты, как я, и что

до понимания ассоциаций у Кафки мы просто еще не созрели, я отправилась в свое первое заграничное путешествие. Мне хотелось отдать дань хотя бы Праге, где когда-то витал тоже дух гениального Моцарта, ставившего в ней лучшие из своих опер – и «Дон Жуана», и «Свадьбу Фигаро», не запрещенные, к счастью, у нас, но... первое, что я увидела там – потрясающий собор Святого Вита и дом, в котором жил в далекие времена Кафка... А потом... все наши советские дяди и тети, среди которых лишь я одна была беспартийной, начиная с руководителя группы, попросили услужливого чешского гида отвести их на сеанс эротического кино. Умоляя друг друга, а больше всего подводящую их нерадивую, видно, студентку – меня, единственную из всех не желавшую идти в кинотеатр – ни в коем случае не рассказывать об этом в Интуристе, когда вернемся домой, вся группа, выстроившись, как в детском саду, по парам, отправились дружно в нужном направлении. А после этого в нашем автобусе, заменявшем нам в те времена устаревшую кочевую кибитку, уже обсуждались не сногшибательные достопримечательности Чехословакии, а неизвестные мне нюансы фильма, потрясшие старшее поколение советских людей гораздо больше красот Карлова моста. Кто знает, может быть, я и в самом деле была не права, пренебрегая невиданной возможностью познать непознаваемое при узаконенном в нашей стране бесполом воспитании молодежи, ведь и сегодняшнее распутство ее, конечно же, из вчера, что-то вроде

протеста лицемерному прошлому предков.

О, как это было давно! Человек действительно не может предположить, что будет с ним завтра. Разве мне могло прийти тогда в голову, что когда-то Вена станет не только моей неосуществленной мечтой, но и городом-явью, неподвиженной моей реальностью... не на пару дней, не на неделю... Что так яро обличавший меня незнакомец через несколько десятилетий станет одним из самых активных прихожан наконец-то построенной в городе церкви, постоянно замаливая в ней грехи, наподобие донжуанских, еще даже не зная, что Зигмунд Фрейд окажется общепризнанным гением XX века.

Да, действительно, нас раздражает в других, чем грешны мы и сами, скрывая это от постороннего взгляда. И поэтому мы так публично клеймим все порочное наше не в нас, обещая хоть как-то себя и свои «сокровенные» мысли, очевидно, завидуя тем, кто не хочет скрывать свое «Я».

Лимузин повернул на какую-то тихую улицу, чем-то напоминающую собой нашу российскую деревенскую, – если только не станешь разглядывать за зеленой ветвистой стеной бесконечных посадок спрятанные за ними дома. Но когда я невольно решила рассмотреть хоть какой-то фасад, поня-

ла, что такая деревня может быть только «кайзеровской» – «кайзеровской деревней».

Многочисленные великолепные виллы, одна красивее другой, прятали свои «престижные лица» в макияже прекрасных лепок и различных архитектурных причуд за зеленой вуалью веток деревьев, о постбальзаковском возрасте которых можно было судить по морщинам заскорузлой коры и обхвату стволов, напоминающих мощные ноги слонов.

Лимузин начал медленно вливаться в дистанционно открывающиеся ворота возле дома, замаскированного обнимающимися ветвями платанов.

Николай по-джентельменски раскрыл перед нами дверцы машины и повел нас к парадному входу трехэтажного особняка, окаймленного камерами наружного наблюдения, просматривающими меня и моих спутников, очевидно, насквозь.

Он привычно позвонил в домофон, и ту же секунду, как по мановению волшебной палочки, на пороге особняка появилась какая-то женщина в чепчике и переднике, удивительно похожая на горничную в отеле.

Шофер тут же ушел, а я и Анжелика прошли следом за горничной в какую-то комнату, по размеру напоминающую танцевальный зал.

Мы присели на кресла с замысловатым дизайном, точную копию тех, которые мне довелось недавно увидеть в витрине одного из самых престижных мебельных магазинов Вены,

истинную стоимость которых я так и не сумела понять, потому что довольно солидную сумму замыкало фантастическое количество нулей.

Трудно было поверить, что возможно сидеть на таких царских креслах еще кому-то, а не только царям, но тем не менее я сидела. И, окинув взглядом гостиную, убедилась, что и весь гарнитур в ней был точно такого же качества и точно такого же дизайна, к которому удивительно подходил похожий на приподнятое крыло улетающего лебедя роскошный белый рояль. Расположенный в центре огромной комнаты сердцевинной цветка, лепестками которого были окаймляющие его с разных сторон бесконечные принадлежности роскошного гарнитура, этот лебедь-рояль звал в полет в страну грез.

– Очевидно, хозяйка играет? Пианистка она? – начала я допытывать Анжелику, пробуждаясь от собственных грез и включаясь в процесс работы.

– Пианистка она? – повторила как эхо, усмехнувшись чему-то, Анжелика.

– Нет, нет, нет, ее доля чуть-чуть посложнее, – с нескрываемым ехидством выдавила из себя бывшая Антонина. – Хотя тоже играет, но в другую игру. Она – светская дама, и этим все сказано, – как будто язвила моя новая знакомая, во всяком случае, мне так показалось.

Почти такого же причудливого дизайна, как и кресла, часы пробили половину четвертого. Вот уже целых полчаса мы сидели в этой гостиной-музее, напоминающей по размеру

большой танцевальный зал, в котором кроме дорогостоящей мебели было также нагромождение и других роскошных вещей, начиная от гипнотизирующих необычными переливами цветов радуги люстр Сваровски... Мне не верилось, что картины в позолоченных и громоздких рамах действительно антикварные, как пыталась убедить меня Анжелика, потому что таким нет цены... Я уже насладились и ими, а хозяева так и не появились. Зато юная миловидная девушка Катя – так представила нам ее встретившая нас горничная – без конца предлагала то кофе, то чай, раскрыв даже специально для нас дорогую коробку конфет «Моцарт-кюгле», подслащавшую, очевидно, странную непунктуальность хозяев, точно знавших, что мы уже здесь.

– Может быть, что-то в доме случилось? – ничего не могла понять я. – Что у них за проблемы, Анжела?

– Все расскажет Кристина. Ее дочь – не моя. Да к тому же одно удовольствие подождать в такой чудной гостиной, помечтать и подумать, не правда ли? – Не то просто шутила, не то вслух рассуждала моя спутница. – Я забыла Вас предупредить: в этом доме к гостям выбегает мгновенно лишь собака, но ее, видно, нет. Очевидно, гуляет сейчас. К ним приходит специально мужчина, ее «гувернер».

– Но у них же есть двор. Не пойму – для чего выводить на прогулку куда-то собаку?

– Чтобы ей в этом доме получше жилось, чтоб расширить ее кругозор, – вновь была в своем прежнем репертуаре Ан-

желика.

– Ну, а кроме собаки есть кто-то, кто способен до нас снизойти?

– Гости здесь всегда ждут, это уже традиция.

– Но ведь я же не гость, а по делу.

– Тут простых гостей нет, все по делу. И друзья тоже здесь деловые, – попыталась объяснить мне образ жизни хозяев их давняя приятельница, и вдруг на ее постное назидательное лицо кто-то мгновенно приклеил «радостную улыбку».

Анжелика, прервав разговор и забыв про меня, как болонка, увидев хозяина, сорвалась мигом с кресла и помчалась куда-то с этой будто бы специально отрепетированной улыбкой, во весь голос приветствуя на ходу, очевидно, кого-то еще невидимого мне.

Все еще не понимая, что с ней произошло, и невольно следуя за Анжеликой взглядом, я увидела уверенно входящую в комнату женщину лет сорока, с разбросанными по плечам рыжими волнистыми волосами и кожей, усыпанной веснушками. Чувствовалось, что она прекрасно ухожена, и больше в ней не было ничего, заслуживающего особого внимания, не считая немного раскосых глаз и удивительно элегантного платья-халата, если халаты вообще могут быть элегантными. Но тем не менее именно этот халат, а не уверенная походка и витающий в воздухе почти пьянящий запах неизвестных мне доселе духов (как сказала потом Анжелика – безумно дорогих духов Эллипс), давал знать, что она – не прислуга в этом

многоприслужном доме... В доме, в котором мы уже, кроме шофера, познакомились с горничной, девушкой Катей и еще двумя провинциальными русскими бабами, нарушившими наше спокойное ожидание в гостиной вылизыванием окон и дверей, а еще, как сказала Анжелика, у них есть человек для прогулок с собакой...

– Познакомьтесь, пожалуйста, Кира Григорьевна, – опять с пылом болонки Анжелика мгновенно подскочила ко мне.

– Вот хозяйка прекрасного дома. Я о ней говорила Вам – это Кристина. Ну, а это, Кристиночка, тот специалист... тот, который так нужен сегодня, – психолог.

Анжелика как будто играла в ролевую игру, как дошкольник, говоря вместо нас и о нас.

– Вы заждались... – лишь кивком головы мне дала знать, что слышит Анжелу, хозяйка, хотя я по привычке протянула ей руку.

– Задержал массажист. Я его попросила продлить процедуру.

– У Вас что-то болит? – по чисто врачебной инерции поинтересовалась я, пытаюсь выразить ей свое сочувствие.

– Не сказала бы, что что-то болит... Но у меня есть материальная возможность, – с вызывающим видом ответила хозяйка, рассматривая без стеснения меня уже буквально с головы до ног.

– Вы действительно были профессором?

– Даже заведовала кафедрой.

– Да, да, да, Анжелика про все говорила, – как будто бы вспоминала она. – Как раз то, что мне нужно... Эта кофточка от Валентино? – неожиданно вдруг перескочила хозяйка от моей биографии к моим нарядам, ожидая, бесспорно, что я не разочарую ее, раз осмелилась переступить порог этого фешенебельного дома в самом престижном девятнадцатом районе Вены.

– Я купила ее вчера утром в C&A.

– В C&A? Что-то я не припомню такого бутика в Вене... Никогда не была...

Она или прикидывалась, или в самом деле не знала этого довольно популярного не только в Вене, но и во многих странах Европы магазина для людей среднего достатка, тем не менее продающего самую модную одежду.

– Так, значит, она не от Валентино, а я думала...

И Кристина перестала окидывать меня взглядом, очевидно, боясь следующего разочарования.

– Мне хотелось бы знать, чем могу я помочь, – у меня наконец появилась возможность узнать цель моего визита.

– Анжелика, наверное, Вам разболтала...

– Что ты, что ты, Кристина, – мгновенно отреагировала моя спутница. – Можешь даже спросить все у Киры Григорьевны ...

– У какой еще Киры Григорьевны? – разгневанно переспросила хозяйка. – Я ж просила тебя, Анжелика, никому... ни гу-гу... никому...

– Я ... я – Кира Григорьевна, – поспешила предотвратить я «выяснение» дружеских «отношений» между давними знакомыми по Москве, чувствуя приближение грозы, – просто Вы лишь успели познакомиться с моей кофточкой, а не со мной.

– Познакомиться с Вашей кофточкой? – недоумевала хозяйка.

– Почему с Вашей кофточкой, а не с Вами? – рассуждала она.

– Вы что, так насмехаетесь надо мной? – вдруг взорвалась Кристина. – Думаете – безмозглая, раз без всякого образования. Не профессор, как Вы, у которого пусто в карманах... – И она развернулась, чтобы тут же уйти.

– Что ты, что ты, Кристина. Это же шутка, пойми, – побледнела прямо на моих глазах Анжелика, – просто Кира Григорьевна так пошутила.

– В моем доме шучу только я! – не успокаивалась Кристина.

– Это мой дом, и я в нем хозяйка! – уже почти кричала она, как будто бы мы посягнули на ее территорию.

А я поняла, что мою фразу она и в самом деле восприняла лишь в буквальном смысле слова, как когда-то мужчина из далекого прошлого относительно пения венских камней.

– Но я действительно не думала Вас обижать, – вдруг почему-то начала оправдываться я, почувствовав свою вину, которой не было, простив ей даже реплику про пустоту в кар-

манах, хоть на нее достойный был ответ, но что-то сдерживало меня в этот миг. И сдерживало, видно, неспроста.

– Мою Криську обидеть? – Или мне показалось, или кто-то действительно это сказал?

– Да она ж толстокожая, разве не видно, ее не прошибешь, ей неведомо это. – Мне протягивал руку солидный мужчина в темно-синем костюме и клетчатом галстуке, моментально представившись: Глеб.

– Глеб Петрович, – поправила вмиг Анжелика.

– В Вене мне бы хотелось быть Глебом, Анжела. Ты же знаешь, что отчество здесь ни к чему. Да к тому же без отчества чувствуешь себя как-то моложе, не правда ли?.. Ты в Москве величалась всегда Антониной, Антониной Егоровной, если быть поточнее, и казалась такою дородной мне бабою. А здесь – юная дама, Анжелика... Анжела... Да и выглядишь также, как Криська, хоть ее макияж стоит мне состояния.

– Ты уже подшофе, Глеб? – спросила Кристина, совершенно забыв про меня.

– Я всегда подшофе, дорогая!

– Это сущая правда, не врешь.

Приблизительно такого же рода комплиментами, несмотря на присутствие меня и Анжелики, супруги перебросились еще несколько раз, очевидно, привычно вступая в подобную словесную перебранку, но когда я решила откланяться, чтобы все же уйти и не быть уже больше свидетелем пылких

чувств этой странной четы, Глеб вдруг стал уточнять у меня:

– А что с Машей? Это очень серьезно или придурь, истерика? Если придурь, то надо гнать вон, пока дочь моя, Дуня, еще не решилась на подобный дурацкий пример: то вдруг в слезы, то в смех, то молчать, как немая, то орать во все горло, как будто секут. Даже слуг напугала. Что с ней?

– Я не знаю.

– Как не знаете! Мне непонятно тогда – для чего оказались Вы здесь?

Он забыл о своей перебранке с супругой, наступая теперь на меня.

– Ближе к делу. Что с Машей? Анжелика сказала... – Он кипел весь от гнева, как чайник с кипящей водой. – Значит, Вы – не профессор... фальшивый профессор... Как все русские в Вене, с легендами прошлого. Анжелика, кого ты к нам в дом привела?

Не давая ни ей, ни мне вставить хоть слово, заводясь все сильнее на наших глазах, он показывал нам так свое превосходство: мы – простые букашки, он – король-муравей.

– Где диплом, подтверждающий, что Вы – профессор? Ах, Вы не взяли... Потому что Вам нечего было брать! Не привыкли ходить с ним... Да, да, понимаю – как возможно ходить с тем, чего у Вас нет. Да не пудрите мне уже больше мозги. В Вене каждый магистр кичится собою, как у нас генерал, а не то, что профессор. На конверте приходится даже писать: не кому посылаешь, а вначале – магистру. Вы же

знаете это лучше меня...

А ведь он действительно прав, невольно соглашалась с ним я, почему-то не обижаясь, хотя он и изрядно царапал мое чувство собственного достоинства. Но, очевидно, еще значимость Глеба для меня практически была на нуле, так как он не входил в нужный для меня круг общения, поэтому и обида моя на него была только в зачаточном состоянии. Я казалась сама себе статистом в каком-то странном спектакле, иногда пытающимся нарушить правила игры, вопреки всему бросающему в свою защиту оправдания из реплик в пару слов, совершенно не входящих в роль безмолвного актера.

В Австрии, и в самом деле, кто с дипломом, чувствует себя павлином в стае уток, а профессор не простой павлин – вожак. Да, профессор здесь – павлин с короною, хоть у нас и был одним из толпы, чуть-чуть посветлее серых мышек. А тут ярок, словно фейерверк, на который хотят посмотреть его современники. Здесь и там – два совершенно разных мира, два менталитета с непохожими нюансами. Но еще есть также и духовные общечеловеческие ценности, а для них менталитет – пустяк.

Глеб никак не мог уговориться, а узнав, что я здесь целый час и еще не удосужилась взглянуть на сбесившуюся дочь его супруги, так как мне ее не показали, тут же стал оставшуюся желчь выливать уже не на меня, а на Кристину, выражаясь «диалектом», раньше бывшим у нас под цензурой. Насладившись этим диалектом, он разгневанно предложил

пройти в покои вставшей на дыбы дочери супруги, чтобы я сумела распознать, это придурь или что-то более серьезное, потому что Маша – дочь Кристины, а у Криськи мозги набекрень.

– У меня хоть набекрень, у тебя совсем их нет, – парировала ему Кристина. – Покажи ей лучше свою Дуньку! Она даже жить уже боится, а свою сама я покажу, – разъяренно кричала она.

И вновь началась кабацкая словесная перепалка в этой аристократической гостиной, но уже на несколько пониженных тонах, из которой, как ни странно, победителем вышла хозяйка, отправив Глеба немного выспаться и протрезветь, а мне тут же начала растолковывать:

– Он всегда так разговаривает с людьми. Поработали бы Вы с ним в офисе. Не выдержали бы и получаса. А я, видите, вот выдерживаю это все уже пятый год и молю даже Бога об общем ребенке, – почему-то разоткровенничалась она.

Анжелика с нескрываемым любопытством прислушивалась к словам своей давней знакомой, что-то взвешивая в них про себя.

– Я опять разболталась, – спохватилась Кристина. – Теперь надо о Машке... Мне хотелось бы Вам кое-что объяснить, пока дочь свое еще не наговорила. Анжелика, останься, пожалуйста, здесь, а мы с Кирой Григорьевной пройдем на террасу.

– Катя, Катя, ты где? Обслужи Анжелику... Анжелику

Егоровну да побыстрее. Принеси-ка ей кофе, а, может, ви-
но...

Лишь только выйдя на просторную полукруглую терра-
су, я по достоинству оценила, наконец, этот действительно
шикарный особняк, довольно скромный со стороны улицы
и неожиданно роскошный со стороны двора. Особенно по-
разил меня сад с великолепным розарием, уже кое-где начи-
нающим цвести всевозможными оттенками роз – от снеж-
но-белых до ярко-красных, полыхающих, как пожар. В роза-
рии возился какой-то мужчина. Вначале я даже подумала –
Глеб.

– Садовник, – опередила мой вопрос хозяйка. – На Укра-
ине даже работал директором ботанического сада. Имеет ка-
кую-то степень. А вообще-то вся эта возня с прислугой – моя
головная боль. Если бы Вы только знали, сколько мне это
стоит здоровья. Нужен глаз здесь да глаз. И я просто дурею
от этой работы. Все, все надо по сотне раз им растолковы-
вать. А они не всегда понимают, злят Глеба. Нам приходится
их выгонять. Хорошо, что здесь, в Вене, полно нелегалов из
Молдавии, Украины... готовых работать по-черному за гро-
ши.

Рассказывая об этом, Кристина предложила присесть на плетеный соломенный стул, расположившись на точно таком же рядом со мной.

– А розы мы закупили со всего света, – с нескрываемой гордостью сказала она. – С ними, правда, тоже много возни, да и садовник довольно дорог, ведь Глеб специально позвал его к нам, но зато ощущение, что живешь во дворце. На свои прихоти он не скупится.

Да, розарий действительно производил впечатление. А за ним выглядывала небольшая полянка, усеянная полевыми цветами, среди которых выделялись островки бледнолицых ромашек.

– И ромашки тоже со всего света? – машинально спросила я, чтобы резко не прерывать «ботанический» разговор, переходя к психологическим проблемам.

– Нет, нет, нет, семена из России, из деревни, где я родилась.

– Ностальгия, – я невольно разглядывала цветы.

– Нет, деревню мою зовут не Ностальгия, а Березовики.

– Я имела в виду совершенно другое. Ностальгия пока не деревня.

– Сорт ромашки? – очевидно, пыталась разобраться со мной, как со своей многочисленной прислугой, Кристина, у которой, видимо, не было ни родины, ни тоски.

– Увядаящая ромашка в душе, – почему-то досадовала я, смотря на ее ухоженное веснушчатое лицо и на соблаз-

нительно выглядывающие из разреза халата оголенные ноги, на которых, скорее всего, после очередной эпиляции уже начал проглядывать рыжеватый пушок совсем новых волос. Ностальгия, наверное, только для тех, кто на родине что-то оставил, потерял что-то доброе в прошлом, что волнует его до сих пор, то, что вряд ли возможно найти... Тот, кто не потерял, приобрел, вряд ли знает подобное слово, и Кристина – наглядный пример совсем нового клана людей. Для чего же ей жить с ностальгией, с тяжким камнем на хрупкой душе?

– Я могу показать Вам весь сад, – перестала интересоваться абстрактными ромашками хозяйка виллы.

– Наш участок один из самых больших в Вене, хотя в загородном доме он намного больше, для того и загородный дом...

– Но у Вас же, Кристина, и здесь, как за городом, – честно говоря, я уже просто не знала как вести себя с ней, потому что такого богатого человека живьем видела в первый раз.

– Возле дома у нас только крытый бассейн, там – внизу... есть открытый. Жаль, отсюда не видно. За деревьями все, в глубине. Но здесь только бассейны... А за городом – рядом Дунай. У нас собственный пляж.

– На Дунае?

– На Дунае, а что здесь такого? Рядом с дачей. Удобно, хотя слишком мал.

– Лучше пляж свой иметь в Калифорнии, – я уже не скрывала иронии, принимая все за болтовню.

– Калифорния мне не понравилась, – с самым серьезным видом ответила Кристина, и я поняла, что это название ей знакомо и в самом деле намного лучше, чем известное сейчас уже почти всем – «ностальгия».

– У нас пляж свой в Майами, – продолжала она. – Вилла есть на Майорке, Глеб сейчас покупает еще и под Ниццей... Я люблю загорать на своей территории.

«Да, у нее, наверное, просто какие-то психические отклонения, – мое клиническое мышление уже предполагало диагноз, – или придурь такая же, как и у дочери. Бред желаний, хотя и неудивительно, с таким продвинутым Глебом...»

– Извините, Кристина, – меня уже начало раздражать ее постоянное бахвальство, – но мне бы хотелось все же узнать – для чего меня вызвали и какие проблемы у дочери?

– Она вся из проблем, – недоброжелательно стала характеризовать свою дочку Кристина, как служанку, которую может вышвырнуть Глеб.

– Вы должны мне помочь. Анжелика сказала, что Вы ас в своем деле. Но мне важно еще также, чтоб Вы молчали. Глеб известен во многих кругах, у него в Москве столько завистников, да и здесь их не меньше, я знаю. – Кристина доверчиво прошептала последнюю фразу мне прямо в ухо.

– Даже наша Ангела и та – всегда в первых рядах, но ведь с кем-то мне нужно делиться здесь, в Вене, кроме Глеба и слуг, на родном языке. Мой муж любит лишь равных, а где их возьмешь, только пару семей у нас тут для общения, да и те, в

основном, иностранцы. С русскими Глеб всегда осторожен, — пыталась ввести меня в курс дела и стиля жизни своей семьи в Вене хозяйка роскоши. — Я могу заплатить за молчание, — наконец закончила она свой монолог.

— О какой плате Вы говорите? — искренне недоумевала я. — Есть врачебная этика и она неподкупна.

— Ладно, ладно, не надо! Не кривите душой! Знаю я эту этику за сотни баксов. А сейчас в Москве даже и их не хватает. Официально продуманы взятки.

— А я думаю, что не все их берут.

— Что касается денег, то я в этом ас. Сколько я из-за них настрадалась, а вернее, что не было их.

— Но теперь, видимо, все в порядке?

— Наконец-то, — вздохнула Кристина, — хотя это приносит проблемы. Но за деньги купить можно все, даже жизнь, даже жизнь покупается... Глеб содержит в Москве пять охранников.

— Пять охранников? — вновь не поверила я.

— Если бы не они, уже не было б Глеба, может быть, и меня, — не то хвасталась, набивая себе цену, не то, в самом деле, делилась пережитым Кристина. А мне все это было трудно понять, потому что такой образ жизни я еще до сих пор не встречала.

— Кем работает Глеб?

— Он...он...он... — почему-то замялась хозяйка особняка, — бизнесмен.

– У него своя фирма?

– Конечно.

– В Вене или в Москве?

– Тут и там.

– Его бизнес – торговля? – по инерции начала я собирать нужный мне для работы анамнез, не задумываясь о том, что не на все вопросы бывают правильные ответы, особенно в тех семьях, о которых надо молчать и в которых лучше молчать.

– Я же внятно сказала Вам – бизнесмен, – как от навязчивого комара, пыталась отвязаться от меня Кристина. И я поняла, что разговор на подобную тему, окончен.

– Так какие же все же проблемы у дочери? – не сумев собрать полностью анамнез жизни родителей и ребенка, мне хотелось приблизиться к жалобам, чтоб понять наконец цель визита. Сетуя на саму себя, что дала этой странной взбалмошной женщине завести себя в бездну иллюзий и мюнхаузенских откровений, я решила взять власть в свои руки.

– Дело в том, что моя дочь не живет со мной, – почему-то именно с этого начала Кристина.

– Не живет с Вами в Вене? – на всякий случай решила уточнить я.

– Не перебивайте меня, – властным тоном приказала хозяйка. – Слушайте и молчите, когда я говорю!

Я вскочила со стула. Безусловно, мой метод работы, а особенно сбора анамнеза, не совсем соответствовал рекламиру-

емым во всех печатных изданиях правилам хорошего тона – спокойно выслушать собеседника, – но ведь это же был не просто ничего не значащий разговор о хорошей погоде. В ответах Кристины для меня важны были даже паузы. Чтобы все-таки докопаться до тщательно завуалированной сути – а я чувствовала, что это будет именно так, – мне было просто необходимо уточнить для себя ряд деталей, ничего не значащих на первый взгляд, но потом составляющих целое. Поэтому ее грубое и властное вмешательство в процесс моей работы послужило толчком, чтобы уйти, так и не проведя консультацию. Хватит мне уже горькой пилюли от Глеба.

– Извините, Кристина, но я Вам не слуга. И не дай Бог стать ею. Прощайте!

– И чего Вы обиделись, не понимаю. Я с таким трудом собрала все свои мысли. Ну, а Вы перебили меня. Их так трудно собрать...

– Соберете! До свидания. Мне надо идти.

– И чего обижаться? Зачем? Я привыкла командовать в доме.

– Но пока я не в Вашей команде.

– Вы же можете здесь заработать.

– Заработок такой мне не нужен.

– Не пойму, зачем в Вене Вам интеллигентничать? Знаю я Ваши интеллигентские выходки. Насмотрелась во время работы в кафе, переехав из нашей деревни в Москву. Придут эти очкарики, все с дипломатами, важно сядут за стол, позо-

вут официанта и закажут такую туфту, что противно взять в рот, было бы подешевле. Раньше думала – скряги, потом поняла – кошельки их пусты, ведь мозги для кого-то... Зарабатывать деньги способны кому-то: государству, хозяину, но не себе. Кормятся лишь своими идеями. Шашлычок – верх блаженства. Дорогую жратву за всю жизнь навряд ли попробуют. Она – не по карману. Никак не пойму, что за жизнь такая у них. Наш садовник, как Вы, раньше тоже «профессионал». А у нас получает в семь раз больше прежнего, говорит, что теперь начинает лишь жить.

– До свидания, Кристина.

– А как же Глеб, Машка? С Глебом шутки плохи, он ведь ждет результат.

– Позовите другого к себе консультанта.

– Но нам нужен престижный, а их больше нет. У нас в доме все только высшего качества. Глеб так хочет – и так тому быть! – Словно подстегивала саму себя Кристина.

– Анжелика сказала, что Вы здесь недавно, официальной работы у Вас еще нет. Вы поможете мне, а я Вам помогу, хоть подержите шиллинги в своих руках.

– Мне хотелось помочь Вам, а не заработать...

– Гордость Вам не заменит еды, – к моему изумлению в голове рыжеволосой Кристины рождались какие-то довольно разумные мысли, касающиеся не только ее благополучного существования на этой земле.

– Вы остались совком даже в западном мире. Здесь помочь

можно только за деньги. Гордость – это утешение для неудачников, кто не знает сам, как заработать. – Почему-то слова Кристины мне казались озвученными мыслями Глеба.

– Но я здесь не брала еще деньги за свои консультации. Не у всех они есть.

– У кого денег нет, можно бы обойтись без таких специалистов, как Вы, приходящих домой. Психиатр не для всех.

– Но я не психиатр.

– Да, да, да, Вы психолог, хотя разницы нет. О таких специалистах, как Вы, в кругу наших знакомых вслух нельзя говорить. Это стыдно. Подумают, что-то не так.

– Понимаю, всех очень волнует то, что скажет княгиня Мария Алексеевна.

– Вы сказали – княгиня? Какая княгиня? Она тоже из новых русских, как мы?

– Нет, из старых... из грибоедовских, – иронизировала я, уже полностью отдавая себе отчет в особенностях интеллекта Кристины, хотя нужен ли, в самом деле, интеллект интеллигентных людей – это, действительно, еще большой вопрос. Во всяком случае, жизнь показывает, что навряд ли, доказывая, что мудрость не в нем. А мудр тот, кто все берет от жизни, умея наслаждаться ей, не создавая бесконечные проблемы. И Кристины, увы, в их числе.

– Из старых русских, – все еще не понимала меня Кристина. – Да, да, да, Вы сказали – княгиня, но почему же я еще до сих пор не знакома с ней, если она живет в Вене?

– Но Вы же сами мне говорили, что не слишком жалуете здесь своих соотечественников, – я невольно уже сочиняла сценарий прямо сейчас разыгрываемого спектакля.

– Да, но смотря каких соотечественников, ведь не все здесь завистники. А мой муж пытается завести в Вене знакомства со всеми знатными русскими, даже из предков белогвардейской эмиграции. – Она опять, казалось бы, рассуждала подобно нормальному человеку, а не барону Мюнхгаузену, говоря об эмиграции первой волны.

«Интересно, а какой волны эмиграция в наше время? – Задала сама себе мысленно я вопрос, – говорят, что четвертой... Нет, наверное, энной волны, потому что она продолжается изо дня в день во все страны, даже в Австрию – не в страну иммиграции, пусть по каплям, но из капель родился ручей. Оказалось, у всех ручейков большого ручья есть причины надолго переехать сюда из безумно «любимой» России: новым русским там тесно и боязно, прячут семьи здесь в особняках, не нуждаясь тут в телохранителях; фирмачи самых средних достатков открывают здесь все, что угодно, лишь бы только хоть как-то покинуть этот бывший Советский Союз. Ну, а русские жены австрийцев – это уже совсем другой пласт, правда, браков так много фиктивных или скороспелой любовью, плод которой, как падалица, а не райское яблочко».

– Мы бываем у них на приемах, – я прислушалась снова к Кристине. – Мы знакомы с такими людьми, – продолжала

она почему-то рекламировать мне качество своей жизни. – Посетили недавно Сногинского. Вы бы видели его хоромы. Нет, недаром все венцы пытались посмотреть на его особняк...

Мне все время казалось, что все эти ее пространные монологи, обращенные будто ко мне, вовсе не для меня – для нее, и она упивается ими, воздвигая себя на доступный лишь ей пьедестал.

У Сногинского мрамор на мраморе, а у нас сделано под Шенбрунн, даже ставни зеленого цвета, желтым – выкрашен дом. Но внутри у Сногинских – Версаль, а для Глеба был главным лишь тронный зал...

– Тронный зал в Вашем доме? – не поверила я.

– Из-за этого зала как раз Машка сдурела. Надо ж, черт меня дернул ей его показать, хотя зал этот только для Глеба.

– Из-за тронного зала? – Забыв об обиде, я опять опустилась на стул, даже не понимая, что сделала это, находясь под гипнозом ее болтовни. Почему-то мне вдруг показалось, что я стала участвовать в большой массовке экранизации одного из самых непостижимых сюжетов из современной «тысячи и одной ночи». Во всяком случае, психология этих новых людей для бывшего нормального советского человека, в самом деле, была непостижима. И мое любопытство – хоть как-то понять ее – пересилило и усмирило только что так вспененную гордость, ведь, в конце концов, пена вся так эфемерна, что ее без труда можно смыть.

– Остаётся, – обрадовалась Кристина. – Я же Вам говорила, что за деньги купить можно все. Так что, кто из нас прав и кто ас в своем деле? – Переполненная своим величием, Кристина торжествовала.

– Покупайте, а я все равно не возьму Ваши шиллинги, – молниеносно выпалила я. – Чувство долга обязывает, потому что Анжела сказала, что немецкий язык Вы не знаете и к австрийцам навряд ли пойдете. А у Вашей Машки, как Вы называете свою дочь, проблемы с тронным залом. – Я специально сделала акцент на Машке и тронном зале, потому что все Машки и Дашки уже сильно коробили мой слух, – неужели родного, любимого человека нельзя просто назвать как-то ласково или по имени, пускай Маша, не Машенька, но не Машка же.

Я учила ее, как девчонку, погружаясь невольно в дидактику, отступая от нравственных норм, предав только минуточку назад чувство собственного достоинства. Ну, а ради чего? Любопытства... Чтоб познать психологию новых людей, разрушая свою психологию, ее стержень, ее основание...

– Да, Анжела меня убедила позвать Вас, хоть хорошая порка помогла бы намного быстрее, если б только не Глеб. Он боится, что порка расстроит вдруг Дуньку. Ах, не Дуньку – Дуняшу, – не удержалась от ехидства Кристина, по-своему переварив мой дидактический монолог.

– Наша Дунечка слишком чувствительная, – не переставала ехидничать женщина. – Вырастил Глеб себе «принцес-

су на горошине», – продолжала она, демонстрируя мне свои литературные пристрастия. – И теперь все должны мы стоять перед этой сопливой девчонкой на задних лапках, даже я... Я должна! – Она искренне негодовала.

– Перед своей Машкой никогда не стояла, а перед этой стервозницей стою... Очевидно, мои дидактические наставления относительно добрых порывов по отношению к детям так и не были ею серьезно усвоены. «У нее только лишь кратковременная память и нет долговременной», – машинально резюмировала я, проводя мысленную консультацию. Правда, может быть, смотря на что. Что касается лично ее, там другая, наверное, закономерность.

– Вы даже не представляете, как мой Глеб помешан на этой девчонке, докладывающей ему даже, что я кричу на прислугу, как будто бы он сам не кричит. Но ему можно, а мне – нельзя, – никак не могла успокоиться обиженная хозяйка. – Понаехали сюда всякие из Молдавии, Украины, России и живут здесь без виз, видите ли, хотят близким помочь. Коль имели б мозги, смозговали бы сами, чем заняться на родине и как там прожить.

– Катька, – живо прервала Кристина саму себя, – Принеси-ка воды. Да, да, да... минеральной.

– Как на них не кричать, ну, хотя бы на Катьку, ведь деревня, глухая деревня она. Зато может держать свой язык за зубами. Они все его держат. Боятся меня: знают – коль разозлят ... выгоню всех подряд.

– Ну, а с Машей, что с ней? – Не реагировала уже я на постоянное подчеркивание Кристиной своего превосходства над окружающими ее людьми, не от хорошей жизни зависящими от ее милости. Все равно, все мои возражения были бы безрезультатны, потому что ей очень хотелось хотя бы в чем-то утвердить свою значимость, которую, скорее всего, судя по своему поведению с ней, совершенно игнорировал муж.

– Машка – моя беда. Я согласна все рассказать, хотя, честно сказать, не хотелось бы.

– Говорите, что хочется. Только то, что считаете нужным.

– Ладно, ладно! Не дура! Я все поняла. Моя дочь не от Глеба, хотя он у меня первый муж, но... не первый мужчина. – Она вытащила из кармана халата пачку «Мальборо». – Вы курите?

– Нет.

– Так и думала. Вы – как святоша. И наверно, во всем, – как будто бы злорадствовала Кристина. – А я ей никогда не была. Этим, видимо, всех привлекала. Глеб считает, что я – сексапильная, – ни с того, ни с сего почему-то сообщила она мне и для убедительности, словно невзначай, расстегнула верхнюю пуговицу на своем элегантном халате, оголив кусочек веснушчатой груди.

– Сексапильная? – с удивлением переспросила я, невольно смотря на этот начинающийся стриптиз.

– Сексапильная, – вызывающе повторила она, почему-то обидевшись на меня. – Вам это, видимо, не понять.

– Да, наверное, мне это не угрожает, – не скрывая иронии, тут же бросила я.

– Оттого и ходите по домам, – моментально нашлась Кристина, – а так сами бы деньгиплыли в Ваши руки.

– Да Вы просто психолог, Кристина.

– Я житейски умна, а Вы – книжно. Неизвестно еще, что важнее, – никак не успокаивалась она, выпячивая вновь свое самолюбие, готовое обострить наши отношения с ней, но я уже не поддавалась на эти известные мне трюки, стараясь пропустить мимо ушей ее трафаретные шпильки и уколы, отрепетированные, очевидно, на ком-то другом.

– Словом, в юности я нагулялась, – вызывающе обескураживала она меня своей откровенностью. – И мужчины ко мне липли так же, как мухи к липучке. Но я замуж так просто не шла. Не нужны были мне штампы в паспорте. Мне романтика была нужна. Ну, и Машка моя от романтики.

– От романтики?

– Да, романтической связи. В восемнадцать лет нравится каждый, если дарит конфеты и песни поет в твою честь, пускай даже чужие. Был такой кавалер у меня, но как я от него залетела – моментально исчез, испарился. Пришлось Машку родить, так аборта боялась. Да Бог с ним, с тем моим кавалером. Уже все прощено и оплакано. А какая бы участь была у меня, если бы мы тогда расписались: быть примерной женой, как учили все рядом, позабыв о себе, сохраняя семью. Что б я видела в жизни тогда, кроме пьянок да вечных скан-

далов? Ничего! – как будто бы уговаривала смириться саму себя, безусловно, не с самым приятным воспоминанием из своей прежней жизни Кристина.

– Слава Богу, осталась свободной! Вот и встретила Глеба...

– Катька, Катя, принеси-ка вина, поживее!

– Мне не надо.

– Не пьете вино? Я тогда за Вас выпью сама. Словом, Машку растила без мужа. Помогали немного родители. Нашли хлебное место мне в нашей столовой... – Погруженный в прошлое взгляд Кристины как будто бы действительно видел, что было в те далекие времена. – А потом я решила уехать в Москву, вся в надеждах – а вдруг повезет. Приняли официанткой в кафе. Чаевые и флирт были радостью жизни. Я немного забылась, забыла про все, даже про своего кавалера, хотя клялся он мне, что влюблен.

Кристина залпом осушила бокал. Ее хорошо ухоженное лицо заалело, и в глазах появился какой-то особенный блеск, может быть... именно той сексапильности, о которой она мне твердила лишь минуту назад. Честно говоря, мне было чисто по-человечески жаль эту брошенную когда-то каким-то подонком женщину, хорохорящуюся сейчас передо мной, все еще, видимо, желающую хоть как-то отомстить своему прошлому.

– Ну, а дочери я ничего не жалела. Покупала ей модные шмотки – спекулянты носили в кафе. Приносила домой все-

гда вкусненькое. Баловала ее – ведь дитя без отца. А какой результат? – завела вновь сама себя тут же Кристина. – До чего докатилась она?!

– До чего? – Мне не верилось, что я все же сумею узнать, почему же я здесь оказалась.

– Как увидите – сами поймете. Хочет, видно, рассорить нас с Глебом. Не удастся. Он нужен мне больше ее. Я такого искала всю жизнь, как смекнула: богатство важнее любви. Это я поняла, живя лишь на зарплату. Если б не чаевые – навряд бы и выжила. Я сама для себя была только спиной. А теперь прячусь за спиной Глеба, – надменным тоном сообщила она, очевидно считая «бесспинными» всех, не имеющих таких Глебов.

– Где Вы встретили Глеба? – я сделала вид, что не поняла ее намека.

– Конечно, в кафе. Он туда заходил выпить пива, иногда был с женой, чаще же без нее, и давал чаевые мне... ой, ой, какие...

Вспоминая куда-то ушедшие дни и осушив новый бокал вина, очевидно, уже за меня, Кристина то упивалась своим первым свиданием с Глебом, то тем, как отбила его у законной жены, вечно им недовольной и такой же стервозной, как Дунька, то тем, как Глеб восхищался ее сексапильностью и умением жить. Глеб тогда только лишь становился на ноги, но чутье подсказало ей – станет. И она не ошиблась.

Кристина умудрялась не только выплескивать на меня

воспоминания, но и одновременно курить, запивая любой выдох сигаретного дыма вином.

– Все бы было неплохо, если бы Глеб так сильно не любил свою дочь от первого брака, сразу же невзлюбив Машку. Почему моя дочь со мной рядом, а его – от него далеко. Пришлось Машку отправить к родителям. Помогала, конечно, деньгами. И сейчас тоже всех содержит.

Бизнес Глеба шел лучше и лучше. И Кристина уже не работала, занималась собой, чтобы нравиться мужу, удержать, чтоб никто не увел.

– Глеб купил особняк в Подмоскowie, богатея уже не по дням, по часам. Ах, какая там началась жизнь, главное, что была вся на русском, а не то, что тут в Вене, на чужом языке.

– Почему же тогда Вы сюда переехали?

– Из-за Дуньки его, в основном. Ну, а также другие причины... – она вновь осушила бокал. Почему-то в ушах моих явно слышались наставления Анжелики: главное – это меньше вопросов. Но вопрос я уже задала, и Кристина пыталась ответить, разогретая новым бокалом вина.

– Дуньку кто-то похитил и потребовал выкуп. Глеб, конечно же, дал и ей нанял охранников, чтоб везде были с ней. Представляете, даже ходили бы с ней в туалет, – не то насмеялась, не то возмущалась Кристина. Ну, а эта дуреха боялась охранников, она даже боялась собственной тени. Врач сказал, что какой-то невроз, кормил долго таблетками, а потом предложил поменять обстановку.

Поменяли! Из-за этой дурехи, хотя Глеб все равно хотел уезжать, увезти и меня из Москвы. Слишком много завистников там.

Мне ведь тоже давно надоели все охранники, телохранители. Ты живешь с ними, как на витрине. Даже мысли твои они видят. Злые, будто бы псы, если что-то не так. Понимаю – такая профессия. Вы закурите?

– Я не курю.

– Не пойму, как же Вам удалось найти мужа?

Казалось, не я, а Кристина пыталась собрать анамнез моей жизни, по-видимому, обратив внимание, на мое обручальное кольцо.

– Вы не пьете, не курите, не сексапильная. Неужели одними мозгами? Анжелика сказала – они у Вас есть и не просто есть, а на все сто.

Я была польщена подобной характеристикой Анжелики, еще так мало знавшей меня, но тем не менее нашедшей верный пиарный трюк для убеждения своих непростых друзей.

– На все сто или меньше, я еще не задумывалась.

– А я Вам подскажу – не на все сто. Если бы они были такими, Вы собрали бы деньги на свою ординацию. Мне бы Ваше образование...

– Что ж, спасибо Вам за откровенность, Кристина!

– Я всегда говорю то, что думаю. Впрочем, хватит болтать, я забыла, что моя болтовня – это деньги, ведь у Вас консультация. Сколько стоит она, а то я раскудахталась?

– Вы – подруга Анжелы, значит, даром.

– Но Анжела имеет здесь сотню друзей, и Вы с них не возьмете копейки? – не то удивлялась, не то пыталась уличить меня в неискренности Кристина. – Или Вам просто некуда деть тут свободное время?

– У меня его нет.

– Если нет, так зачем же его разбазаривать даром? – почти менторским тоном начала поучать меня жизни хозяйка. – Правда, если работа для Вас – это хобби, как для Глеба – картины... Он сейчас покупает Ван Гога. Сумасшедшие деньги и за азиата. То ли был он вьетнамцем, то ли был он корейцем...

– Ван Гог был и остался знаменитым голландцем.

– Не шутите, с такою фамилией...

– Но что все-таки с Машей? – настаивала я на своем, утомленная от общения с хозяйкою особняка.

– Да свихнулась она, увидав тронный зал. Черт бы взял его!

– Можно ли поточнее?

– Попробую.

И Кристина, по-прежнему наслаждаясь вином, мне поведала уже подробно, что случилось, как и почему.

– Когда мы переехали в Австрию, Машку я не взяла, пусть живет, как жила, у родителей. Она в доме подмога. Без нее трудно им. Ей шестнадцать уже. Помогала деньгами, как раньше. Машка рвалась сюда. Я не скрою, обещала ей позже,

потом. Но когда Глеб привел в дом к нам Дуньку, видите ли, ее раздражает то, что мать заимела бойфренда, а она его не признает, ждет, что папа вернется к ним снова, – с нескрываемым ехидством рассказывала Кристина, – я тотчас же позвала к нам Машку. Почему его дочь, не моя? Я веду целый дом, а не Дунька, – Кристина даже заалела от возмущения.

– Надо же, чтоб случилось такое! – не успокаивалась она. Правда трудно было понять, что все-таки подразумевается под «такое» – приход в дом дочери Глеба или приглашение Маши.

– Моя Машка приехала и... обалдела. Не поверила, что так вообще можно жить. И заплакала даже от зависти. А когда я ее завела в тронный зал, с ней случилась истерика. Она даже каталась по полу, – Кристина размахивала бокалом с вином, как платком, расплескивая капельки рубиновой жидкости по столу.

– Почему Вы назвали зал тронным?

– Потому что там трон.

– Трон кого? – Я пыталась понять, что Кристина подразумевает под словом «трон», наслушавшись от нее об азиатке Ван Гоге.

– Кого? Глеба! Он его заказал по специальным проектам. Заплатил уйму денег за дурь. Мы с ним даже ругались.

– Для чего Глебу трон? – Я не верила ей. Она вновь мне казалась бароном Мюнхаузенем.

– Говорит, что на нем ощущает себя человеком, – не скрыв-

вая иронии, объяснила Кристина.

– А без трона нельзя?

– Ему так захотелось. А мой муж не мечтает, он действует. Захотел – тут же сделал. Средств на это хватает. У него дар особый – делать деньги из воздуха, – уже явно не иронизировала, а восхищалась своим Глебом Кристина. – Он мальчишкой смекнул первый раз, как себе заработать на велик.

И опять уже вместо истории с Машей мне пришлось услышать, как десятилетний Глеб в конце шестидесятых годов в бывшем Советском Союзе прекрасно понял, что на зарплату родителей, которые весь день были на работе, не купишь себе даже лишний раз леденцов, а не то, что велосипед. И тут же смекнул, как можно исполнить свои желания. Он стал продавать обычную водопроводную воду на базаре торговцам, не имеющим возможности отойти от своего прилавка и умирающим от жажды, особенно в летнюю жару. Тогда никакой пепси или фанты еще не было, а если и появлялись где-то, то были дефицитными. В общем, благодаря водопроводной воде Глеб не только купил себе велик, а даже начал помогать родителям.

– Вы представляете, десятилетний пацан стал почти кормильцем семьи, – продолжала восхищаться своим мужем Кристина, – а Машке уже целых шестнадцать, а все виснет на моей шее и еще недовольна. – Кристина поставила наконец бокал на стол и вдруг случайно задела его. И стакан, заскользив, как конькобежец на льду, по гладкой поверхности

стола, внезапно рухнул на пол, мгновенно превратившись теперь уже в груды осколков-льдинок, разлегшихся в лужице вина. Я даже еще не поняла, что произошло, как Кристина, откуда-то вытащив метлу, сама начала подметать эти осколки, а потом, выхватив тряпку у примчавшейся на ее крик Катерины, умело вытерла сверкающую на солнце коралловую лужицу вина. Мгновенно несколько человек из прислуги засуетились возле нее, но всю работу стереотипно проделала она сама, не осознавая нелепости своего положения не только передо мной, но и перед обслуживающим ее персоналом. Великосветская дама так и не утратила свой инстинкт официантки.

– Как говорят, посуда бьется на счастье, – шаблонно начала успокаивать ее я, почувствовав, что она очень расстроена.

– Какое счастье?! – В сердцах вскрикнула Кристина.

– Если бы Вы только знали, на сколько баксов тянет этот бокал. Глеб будет в ярости, – она трясущимися руками пыталась поднять осколки.

– Катька, Катька, – внезапно заорала хозяйка, хотя горничная была рядом. – Ты откуда брала эти бокалы, с какого серванта?

– Со второго. С какого еще? Вы же сами сказали...

– Ах, да, вспомнила. Со второго. Я сказала тебе – со второго. Слава Богу, бокалы не те! Я их плохо еще различаю, – почему-то Кристина решила уже «успокоить» меня.

– Эти были другие бокалы, из другого стекла, подешевле.

Не для важных гостей. Слава Богу!

– У Вас гости по категориям? – Не совсем поняла я услышанное.

– Ну, а как же еще, – удивилась Кристина.

– Не могу же я с одного и того же сервиза поить Сногинского и почтальона, обслуживающего меня.

– Да, понятно, того, кто обслуживает, необходимо держать от себя на значительном расстоянии и ни в коем случае не сидеть с ним за общим столом. – Я дополнила мысли Кристины. В светском обществе так полагается...

Что все-таки произошло в тронном зале, я могла только догадываться. Злополучный бокал перебил, очевидно, в самом деле с трудом собранные мысли Кристины, и она наконец-то решила, что пора мне уже познакомиться с Машей.

Небольшая светлая комната, выходящая окнами в сад, вся обитая бордовым шелком вместо привычных обоев, нагроможденная антикварной мебелью, по-видимому, заменяла Кристине будуар маркизы де Помпадур.

На роскошном шелковом покрывале такого же бордового цвета, как и обои, прикрывающем антикварную кровать, разлеглось какое-то длинноногое существо в серо-выцветших

шортах и в серой футболке с коротко подстриженными волосами рыжеватого цвета. И если бы не дешевые сережки, окольцовывающие мочки ушей, я бы еще долго гадала – какого все-таки пола это «бесполое» существо, тем более, что наше появление в комнате не вызвало никакой реакции у этого индивида. Бесполое существо, прилипшее к кровати, даже не пошевелинулось, и у меня не оказалось возможности хотя бы по тембру голоса понять, кто все-таки передо мной – какого рода.

– Мария, – властно произнесла Кристина, – Перестань притворяться! К тебе пришел психиатр. И до чего ты только довела свою мать... – уже совсем жалобным тоном продолжала она свое наступление на ни на что не реагирующую дочь.

– Покайся хотя бы врачу. Скажи, что завидуешь матери. Завидуешь собственной матери, – почти негодовала Кристина. – А я... я тебе жизнь свою отдала, – почему-то всплакнула женщина. Но, видимо, спохватившись, что жизнь еще не вся отдана, разгневанно продолжала, – Ты помнишь, когда еще не было Глеба, тот пестрый отрез крепдешина, который мне Виктор, мой друг, подарил, а я... я тебе сшила платье, тебе сшила, а не себе.

Бесполое длинноногое существо, развалившееся на кровати, не подавало никаких признаков жизни даже при напоминании о тех праздничных днях, когда ему достался отрез крепдешина.

– Вот так лежит без движения уже шестой день, – жаловалась Кристина. – Не хочет ни с кем разговаривать, даже с Глебом, – сетовала она. – Плюет себе в потолок, да и только. Совсем отошала. Не ест ни черта. И все после этого тронного зала. Я даже хотела ее побыстрее отправить домой, пусть там образумится, но надо билет ей менять и доплачивать. К тому же обидно, что Дунька без устали днюет и ночует здесь при живой матери, а мое собственное единственное дитя (сказали, что вряд ли рожу я еще) не может побыть даже месяц со мной, – нахлынули вдруг на Кристину материнские чувства.

– Прости меня, Машенька, – всплакнула она. Я знаю, что мать для тебя непутевая. Как вырастешь, так все поймешь – что к чему. Я выйду из комнаты, а ты расскажи сама обо всем психиатру. Не гневайся только, прошу! Хотя бы попей молока, – буквально на моих глазах превращалась в совершенно нормальную заботливую мать Кристина.

Но Машенька-Машка упорно молчала, не замечая ни ее, ни меня.

Я подошла поближе к кровати и увидела осунувшееся, бледное, почти совершенно бескровное лицо с прикрытыми веками, пытающимися, очевидно, зашторить душу впадающего в депрессию подростка. Однако мой опыт подсказывал мне, что чем сильнее зашторена чья-то душа, тем больше ей хочется, хоть на минутку, раскрыться, глотнуть хотя б капельку света... А главное – выговориться и обвинить, заслуженно или же нет, но только была бы возможность попла-

каться в чью-то жилетку, чтоб так разрядиться от ржавчины дум.

– Машенька, – обратилась я к девушке, как только Кристина окончила свое покаяние, – не могла бы ты мне рассказать, что тебя так волнует, если хочешь, конечно. – Я присела на стул возле кровати.

Но Маша даже не пошевелинулась в ответ.

– Я же твердила Анжелике, что Вы не поможете, что русские в Вене – ни то ни се, – моментально оценила мои действия вошедшая снова в роль хозяйки особняка Кристина.

– Нет, нет, ей нужен не психиатр, а гипнотизер. Вдолбил бы хоть ей, чтоб она пожрала. Вы видите, как отошала. Ведь будут судачить о нас – что не кормим, – вернулась к своему репертуару Кристина.

– Простите, Кристина, – мне снова пришлось пропустить мимо ушей ее эмоциональные высказывания в мой адрес, учитывая особенности создаваемого ей с такой тщательностью имиджа хозяйки «поместья», позабывшей о своих «родовых пятнах», постоянно напоминающих об ее истинном происхождении – из «крепостных».

– Вы, кажется, предлагали оставить меня наедине с Машей. Нельзя ли это осуществить?

– Неужели я так сказала? – искренне удивилась Кристина. – Глеб этого не одобрит, ведь если Машка раскроет свой рот, то вынесет сор из избы, – невольно разжевывала мне ход своих мыслей хозяйка. – А Вы этот сор понесете в другие

дома. Поэтому русских я так не люблю. И если бы не Анжелика...

О Боже, с какой радостью покинула бы я сейчас этот ставший уже ненавистным великолепный особняк – и почему не ушла в то мгновение, когда собиралась уйти? Почему? Уже тогда интуиция подсказала, что надо, надо бежать. И сколько можно терпеть оскорбления от этой великосветской официантки, пытающейся из-за своей щедрой скаредности дать даже собственной дочери только объедки с барского стола? И при этом кичащейся своими тронными залами и зеркальными потолками, а также мраморными ступенями, с которых ничего не стоит упасть, когда они влажные, упасть и свалиться вниз, как и с вершины карьеры... Но разве ведомо такое вообще этой женщине, которая мчится сейчас только вверх, наверх... к... к чердаку, считая, что деньги – основа всего, они дают власть ей, власть над людьми, которых она недостойна не только по образу мыслей, но и по своему интеллекту. Хотя, очевидно, достойна, раз поняла «смысл» этой жизни – хватать все и брать для себя, смотря на других свысока, хотя пьедестал ее – лишь каблуки.

О Боже, с какой радостью я покинула бы сейчас этот ставший мне ненавистным дом! Но передо мною лежало распластанное в виде распятия угловатое тело бесполого подростка с почти бескровным лицом, и я увидала, как веки на этом лице вздрогнули. А, значит, появилась... надежда.

– Я же говорила уже Вам, Кристина, о врачебной этике.

– Знаю я эту этику, – продолжала повышать голос хозяйка. – Сделала тайно несколько аборт, таскала гинекологам армянские коньяки, чтобы молчали, а обо мне судачили все вокруг, кому не лень.

– Конечно, и врачи могут быть разными, – пыталась утихомирить ее я, – однако нельзя мерить всех на одну мерку.

– А кто мне даст гарантию, что Вы не из этой породы?

Мне показалось, что веки на бледном осунувшемся лице начали приподниматься.

– Гарантию?

– Я представляю, как Вы мне завидуете, видя такое великолепие, – ничего не замечая, продолжала хозяйка.

– Позавидовать можно и родинке на лице, было бы только желание, – наблюдая за появляющейся мимикой, я невольно вступила в дебаты с Кристиной, приготовившись выдержать все, что угодно, лишь бы все же дожждаться «воскрешения» девочки.

– Каждый в жизни себе выбирает дорогу, по которой хотел бы идти. Вы довольны своей, я довольна своей. Так чего же должна Вам завидовать?

– Я не дура и все понимаю. Как же Вам не завидовать, если Вы вот профессор, а должны одеваться в магазине для бедных, когда я официантка, но одежда моя только от кутюрье...

Я невольно поймала себя на мысли, что Кристине известен магазин C&A, хоть она утверждала обратное, говоря о

моей кофте. Ну, конечно же, ей не к лицу снизойти до таких магазинов и признаться при всех, что бывает в них так же, как другие. Анжелика потом разнесет эту весть, как сорока, по свету.

– Даже этот халат, – продолжала Кристина, – стоит больше тысячи баксов, и халатов таких у меня уже пять. Представляю всю зависть прислуги.

– Лучше ты бы всю эту тысячу баксов нам отдала, – хриплый взвинченный голос прервал речь Кристины. – Мы... мы...мы... – мы батоны на праздник жуем, те, что стоят копейки, а ты...

Распростертое тело вскочило с кровати. В глазах дерзость и злость, – а ты, ты... покупаешь халаты себе за такую дурацкую цену. Ты сама как прислуга ненаглядному Глебу! У подножия трона готова мыть ноги, его грязные ноги, лишь бы только давал тебе деньги на такие халаты!

– Ты сдурела совсем! Поскорее заткнись! Столько гадости при посторонних!

– Пускай знает все это твоя психиатр, видно тоже такая психичка, как ты.

– Я – психичка?! Еще одно слово... и выматывай – вон, вон из дома!

– Не волнуйся – уйду! Опротивело все. Меня больше не купишь, как раньше. Вижу я, как устроилась ты. Наслаждаешься жизнью, а нам шлешь подачки, чтоб не сдохли с голоду там, да еще распродажные тряпки. А я... я... я – дуруха,

всегда радуюсь им. И горжусь своей мамой. Гордилась...

Длинноногая девочка стала рыдать.

– Успокойся. Не надо. – Я слегка прикоснулась рукой к ее локтю. Она мигом отпрянула. По ней словно прошел электрический ток.

– Психиатры не мне нужны, а ей и Глебу. И вообще, все знакомые их мне противны! Уходите, я видеть всех вас не могу! Я сказала же Вам – уходите! Почему не уходите, ну – почему?!

С трудом выпроводив из спальни Кристину, я еще долго пыталась вывести из истерики Машу, не поддававшуюся ни на какие мои уговоры. Но как только я все-таки наладила с ней контакт, то видение тронного зала стало преследовать и меня.

– Вы представляете, Вы представляете, – перебивала саму себя Маша, – я вижу, как мои бабушка с дедушкой берегут каждую копейку, чтобы хватило пенсии на еду, а у моей мамочки... – она с негодованием выделила последнее слово, – огромное кресло из красного дерева, да еще в драгоценных камнях, на бархатном возвышении, чтобы можно было смотреть на всех входящих туда сверху вниз. Да я за цену такого

камушка, наверное, могла бы прожить несколько лет.

Раскрасневшаяся от возмущения Маша постепенно приобретала человеческий вид, заливаясь нежным девичьим румянцем. И хотя меня уже сверлили многочисленные вопросы, я не перебивала ее, дав возможность высказаться и излить душу, стереть слякоть с нее и всю накипь обиды.

– Я... я... раньше гордилась так своей мамой. Знала, что она очень любит меня. Каждый день лишь работа, работа, чтобы как-то меня прокормить. Мне хотелось скорее стать взрослой и помочь, побыстрее помочь ей. А она, а она... пропадающая весь день на работе, искала там Глебов, а я думала – из-за меня.

После этого монолога Маша замолкла и дала мне возможность начать наступление.

– Ты мне можешь сказать, что плохого тебе сделал Глеб?

– Он украл у меня мою маму! – Вспыхнул гнев в глазах Маши. – Мама стала другой. Была доброй – сейчас ее жизнь в деньгах. Деньги, деньги, одно только слово день и ночь, ночь и день без конца.

– Я просила купить мне компьютер, пускай самый дешевый, пускай старый совсем, ну, хотя бы отдать после Дашки, у нее целых три разных типов. А маманя твердила мне в письмах, что подарит, как встанут на ноги. В Вене надо еще обустроиться. Как устроятся, то и меня заберет, потому что все время скучает. Тогда купит компьютер. Сейчас это дорого. И я верила всем ее письмам. – Не скрывая волнения,

девочка мельтешила уже перед моими глазами настолько часто, что у меня закружилась голова. Наверное, эти круговые движения выплескивали ее стресс, и мне ничего не оставалось делать, как с этим смириться.

– Наконец моя мама пригласила меня погостить у нее на каникулах, – словно исповедовалась мне Маша. – За свой счет мне купила билеты. А я мыла полы вечерами в подъездах, чтоб деньгами ей как-то помочь. Думала, что ей трудно здесь что-то купить. Слишком дорого все, так она мне писала. Я и драила тайно полы, чтоб ее удивить. Поменяла рубли все на шиллинги. Привезла почти сто пятьдесят. А она хохотала весь вечер, говоря мне, что я привезла подаяние только для нищих, вряд ли хватит их здесь на кино.

Наконец Маша все же присела на стул возле меня.

– Я три месяца мыла полы, иногда почти ночью, чтоб не видел никто, не сказал вдруг моим одноклассникам. – Она вновь зарыдала. – Я-то думала, что Глеб – скряга. И она с ним лишь бедствует здесь. Бабушка даже ей написала, чтоб вернулась домой, проживем как-нибудь. Раньше же как-то жили без этого Глеба. А она... а она, – слезы лились рекой, но я знала, что ей надо выплакаться, чтоб немного облегчить душевную муку, – а она тратит тысячу долларов здесь на такое дерьмо (гнев и ярость сковали подростка, не давая докончить эту фразу), – на халат... а у мамы ее нету сотни рублей на врача, нужного ей врача...

Я пыталась ее успокоить, дав отток как-то гневу и ярости,

понимая, как Маше сейчас тяжело: ее предали и обманули, предала ее мать, самый близкий и самый любимый для нее до сих пор человек.

– И зачем она только связалась с этим Глебом, скажите, зачем отбивала его у жены? Ведь мне Дашка все-все рассказывала: как ее мать мою даже стукнула скалкой, когда та заявила к ним в дом выяснять отношения с ней. – Маша вновь закружилась по комнате.

– Хорошо, что я Вам рассказала всю правду, наконец вынесла сор из этой избы, ей назло, ведь ее только это волнует. Я хочу поскорее вернуться домой... Ничего от нее мне не нужно. Вы заставьте ее поменять мне билет на другое число. Вы...заставите?..

Кое-как успокоив Машу, разобрав с ней, что, как, почему, дав совет – помириться, простить, прежде чем порвать все отношения, я, резким движением открыв двери, чуть не сбив с ног не успевшую еще оторваться от замочной скважины, по-видимому, все подслушивающую Кристину.

– Извините!

– Я все слышала, – опередила мои вопросы Кристина. – В конце концов, я имею полное материнское право знать, как

выуживает у моей больной дочери нужные для себя сведения психиатр.

– Во-первых, Ваша дочь совершенно здорова, а во-вторых, если Вас это так волновало, Вы могли бы войти снова в комнату.

– Да Вы просто пытали сейчас мою дочь, и она Вам врал без оглядки, – вместо благодарности обвиняла меня Кристина, и я, вспыхнув, с трудом сдерживая себя, огрызнулась в ответ.

– Пускай даже врал, но ей очень хотелось бы поскорее вернуться домой!

– Это я решу, Кира Григорьевна, а не Вы. Моя дочь, а не Ваша! Глеб просил Вас зайти. Я надеюсь, что о болтовне моей Машки – ни слова. У нее были с детства такие припадки, – уже больше не церемонясь со мной, Кристина показывала свое истинное лицо, давая «важные» наставления насчет ненаглядного Глеба. Хорошо, что у меня в одно ухо влетало, а в другое тут же вылетало.

Кабинет Глеба был заставлен не менее стильной мебелью, чем гостиная. Мне показалось, что даже от его авторучек и карандашей веет удивительным материальным благополучи-

ем и угождением собственной особе. А о наручных часах одной из самых дорогих швейцарских фирм – не стоило даже говорить. По-видимому, на деньги, которые стоят эти часы, следуя логике Маши, она могла бы прожить у себя в Подмосковье целую жизнь. А бедной девчонке в ту пору, когда бы хотелось идти в ногу с модой, приходится мыть ночью чьи-то подъезды, чтобы маме с Глебом помочь. Какой нонсенс!

– Ну как, укротили Вы неукротимую? – довольно любезно спросил меня Глеб и стал неожиданно наливать водку. – Расслабьтесь, пожалуйста, так же, как мы сейчас с Анжеликой. Кристина, куда упорхнула ты и почему?

– Куда, куд-куда, – огрызнулась Кристина. – Сам знаешь куда, дорогой. Зря тратишь ты водку, врачаха не пьет.

– Какая врачаха? Психолог? Так что же там все-таки с Машей?

– Сейчас доложу Вам, что с ней, – не очень любезно ответила я.

– Обиделись, что ли? Я знаю – обидел. Но должен же был сорвать свою злость. Шесть дней в моем доме девчонка не ест, а Вы с Криськой точите лясы.

– Какая я Криська тебе, я – Кристина.

– Такая же точно, как и Анжелика. Вы все здесь сдурели совсем. Забыли родных отца с матерью. Была же ты раньше Галиной, чем хуже Кристины Галина? Кристина, конечно, звучнее. А Вы тоже, Кира Григорьевна – так, кажется, Вас величать? – в России не так величались? Так чокнемся мы

или нет?

– Пока нет. Я раньше звалась тоже Кирой. У Вас, Глеб, прекрасная память на женские имена.

– Не только на них, а на все. На память пока я не жалуюсь, так точно же, как на мозги. Кристине вот надо бы их подлечить. Они у нее набекрень. Мне трудно представить, какой у нее сейчас интеллект, и есть ли вообще, – язвил Глеб, смотря на свою половину.

– Насчет интеллекта сказать затрудняюсь, без тестов могу только предположить, – в духе Глеба ответила я, – а вот коэффициент житейской мудрости очень высок.

– Какой еще мудрости? – ворвалась в нашу беседу Кристина. – Вы, что ли, не видите, что Глеб уже пьян? Обычное состояние его после работы.

– Сейчас после работы, – совершенно не обиделся на свою супругу Глеб, – а вот в былые времена, когда я был директором завода, и во время работы. Ты помнишь, Крысишка?

– Да лучше тебя. Но только прошу – притормози. Не видишь, что здесь посторонний?

– Какой посторонний? Она же психолог. Ей надо бы знать все, что в жизни бывает. Чего затыкаешь мне рот? – Казавшееся мне благодушие Глеба буквально на моих глазах переходило в вербальную агрессию. И не прислушиваясь к словам Кристины, он торжественно вопрошал меня, тут же сам отвечая:

– Ну что нужно русскому мужику, чтоб уладить дела, –

рюмка водки, одна только рюмка. А у меня для бесконечных комиссий всегда был припасен целый ящик. Конечно, я не закупал его сам, а поручал все это парторгу или профоргу. – Глеб больше уже не приглашал меня чокнуться с ним, доливая все время себе в рюмку водку, то ли просто выдумывая во хмелю, то ли действительно погружаясь в былое. – Так вот, придет очередная комиссия, я тут же веду ее в сауну. Мы там напаримся и нагуляемся до отвала. Бывало, что неделями не выходили на волю. И одного ящика, конечно, не хватало. Но как только я чувствовал, что уже переборщил, тотчас же моя секретарша вызывала в сауну заводского врача. Он ставил всем нам там системы, чтоб не было интоксикации. Бывало, часами, а то даже днями, мы так промываемся. Потом составляем свои протоколы. Комиссии были довольны, и я в том числе. Прокапает доктор свои физрастворы, добавит в них что-то – и мы как огурчики. Пускай приезжают другие комиссии – меня проверять. Я был гостям рад, знал, как их ублажать.

Очевидно, Глеб все-таки вспоминал, потому что придумать такую действительность под силу разве только фантасту, да и то с нестандартным мышлением и воображением.

– Так мы чокнемся с Вами сейчас или нет? Не хотите, не надо! Еще расскажу любопытнейший случай из своей биографии.

– Мне пора уходить.

– Ну, еще минут десять, упадете со стула от смеха.

– Ты чего разболтался так, Глеб. Говоришь ерунду, а на Киру Григорьевну за твою болтовню капают денежки. Это – запад, забыл, здесь в цене только время.

– Испугалась, наверное, что расскажу, как с тобой познакомился я в забегаловке.

– Ты ее перепутал с кафе.

– Кафе было одно лишь название, – привычно вступил в словесную перепалку с Кристиной Глеб, не придавая никакого значения ее предупреждению о даром потраченных деньгах. Мне даже казалось – специально, нарочно.

– Так вот, в этой своей забегаловке, – упрямо продолжал Глеб, – она водку всегда разбавляла водой. Ха – ха – ха!.. И я это усек. Так мы с ней познакомились. Ха – ха – ха – ха!.. А сейчас моя Криська по старой привычке разбавляет и соки водой, подавая гостям. Ха – ха – ха!..

– Пойди отоспись! Довольно циркачить! Надоела твоя болтовня! Сколько все-таки, Кира Григорьевна, я должна Вам, конечно, за вычетом всей болтовни.

– Я сказала же Вам – ничего! Помогите скорее своей дочери уехать к себе домой.

– Захочу – так уедет! Решу я, а не Вы!

– Так Вам что, удалось Машку разговорить? – удивился Глеб. – Вот это да!

– И чего ты так рад? Это было нетрудно. Машка просто дуреха. Ей бы лишь поболтать.

– Но молчала ведь сколько?

– Ей, видно, хотелось разорить любым способом как-то меня. Сделать гадость. Узнала, что тут все не дешево, и особенно консультанты.

– Так какая же Ваша цена? – уже начал расспрашивать Глеб. – И каков результат консультации?

– Я уже говорила, что денег не надо. Результат – девочка ожила и желает жить дальше.

– Сколько все-таки времени Вы были у нас?

Я машинально посмотрела на часы и ужаснулась, как быстро летит время.

– Почти четыре часа, – опередила меня Анжелика. – Мы приехали с Кирой Григорьевной ровно в три.

– Да, но я приняла Вас на полчаса позже, – уточнила тут же Кристина. – Потом я еще Киру Григорьевну угощала вином, показала ей сад – это все минус сорок, – не шутила она, как вначале решила я, а самым серьезным образом подсчитывала на калькуляторе, вытащенном ей из кармана элегантного платья-халата от кутурье за тысячу баксов. – А потом полчаса моя Машка молчала, – наслаждалась подсчетом хозяйка «усадьбы». – И вообще, говорила сегодня я больше, чем сама психиатр, – подсчитывала она КПД чистого времени моего пребывания в ее доме.

– Я специально записывала, – доводила она до нашего сведения, – когда начался этот дурацкий разговор с моей Машкой, и когда, наконец, был окончен – один час и пятнадцать минут. Но и даже тогда – я все слышала (правда, каким об-

разом, она не объяснила ни Анжелике, ни Глебу) – в основном, говорила лишь Машка. Так что чистого времени будет не больше сорока, может быть... сорока трех минут, – записывала она что-то на бумаге дорогой паркеровской ручкой.

Не могу сказать, что я опешила. Я была просто потрясена, не нахрапистым хамством и жадностью, а подобным умением жить.

– Да, но Вы позабыли, Кристина, вычесть время всех пауз в моем разговоре с Вашей дочерью. Может быть, тогда будет не сорок, тридцать пять или меньше минут.

– Но Вы что-то должны все-таки заработать, – рассудила Кристина, проявив милосердие, не осилив иронии моих рассуждений, – хотя то, что Вы здесь – тоже честь.

– Да, конечно, о ней вряд ли я помышляла.

– Так мы Вам все же сколько должны? – полупьяно игриво вмешался вновь Глеб.

– Вы учтите, что Кира Григорьевна подтвердила здесь, в Вене, свое звание профессора, – почему-то решила заступиться за меня Анжелика.

– Ты что, хочешь, Анжела, нас сейчас разорить? – возмущилась хозяйка. – Ты же знаешь, какие здесь цены, ведь сама говорила вчера, что австрийский профессор сдерет с нас три шкуры. Пусть сдирает, но не за пустяк, – не могла успокоиться Кристина.

– А вот русским профессорам в Вене надо радоваться, что вообще появилась возможность заработать хоть что-то. Моя

Машка почти за сто шиллингов драила четверть года подъезды. Я и так хорошо заплачу, как плачу массажисту из Львова. – И она скрупулезно снова стала считать и подсчитывать.

– Этой суммы достаточно? – показала Кристина минут через пять на листке выведенную ей смехотворную сумму.

«Массажисту из Львова не так-то легко зарабатывать в их доме, – промелькнуло в моей голове, – даже если массаж ежедневный». И вообще – этот пошлый спектакль невежества, утопающего в роскоши, из эмиграции энной волны уже настолько стал меня раздражать, что единственным моим желанием было выскочить вон – вон из комнаты, из этой виллы. Выскочить и бежать, куда только возможно, от всей этой скаредной нищеты процветающих денежных мешков.

– Но у меня нет этой суммы в шиллингах, Крися, – донеслись до меня слова Глеба. – Пересчитай, сколько это будет в зелененьких, – неожиданно протрезвел он.

И мне начали выдавать тщательно подсчитанную какую-то сумму в долларах с пятьюдесятью центами.

– А центы зачем? – поинтересовалась Анжелика.

– Будто бы не знаешь сама, что деньги любят счет, – начал обучать ее жизненной мудрости Глеб, – Моя Криська считает все-все до копейки.

И тут меня, наконец, прорвало так, что мне самой уже требовался не просто психолог-психотерапевт, а специалист самой высокой квалификации.

– Возьмите эти центы себе, – я начала всовывать мелочь

в руку Кристины.

– Зачем? – ничего не понимала она.

– Как чаевые! Как чаевые! – продолжала греметь я разнокалиберной мелочью, вылавливая ее из своего кошелька, бросая копейки одну на другую.

– А это Вам, Глеб, – может, хватит купить полбутылки «Столичной», – швырнула я деньги Кристины на стол хозяйину.

– А обижаться за что? Мне непонятно – чего Вы вдруг снова обиделись, – рассматривал мелкие долларовые бумажки Глеб.

– Вы же сами не назвали нам желанную сумму. Мы бы с Вами ее обсудили. – Его железная логика, по-видимому, никогда не давала сбоя, если дело касалось расчетов. – Неужели не знаете, что деньги любят счет, а Вы их совсем не считаете. Этой суммы хватило бы Вам на такси, потому что шофера я уже отпустил, а без машины отсюда не так – то легко добраться до центра. Мы специально выбрали место, где уединение и покой.

Великосветская официантка с восхищением смотрела на свою везучую половину.

– Так вызвать Вам все-таки такси или нет?

Я выскочила из дома. За мной с трудом поспевала Анжелика, уговаривающая меня по-человечески распрощаться с хозяевами, которые могут еще пригодиться, хотя бы своими связями. Раз я не взяла за консультацию деньги, она даже уговорила Глеба вызвать такси за его счет.

И в самом деле, в этот момент к калитке подъехала машина. Я усадила в нее Анжелику, поблагодарив за возможность проконсультировать девочку, и наотрез отказалась садиться в такси сама.

– Как-нибудь доберусь автобусом или пешком.

– Но отсюда до остановки автобуса несколько километров, – ничего не понимала моя спутница. Да и как ей было понять, что мне было противно прикоснуться к тому, что хоть как-то было связано с именем Глеба или Кристины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.